

демію, т. е. свободенъ ли онъ отъ отбыванія сей повинности и если свободенъ, то на какомъ основаніи.

Кромѣ того, въ виду ежегодно встрѣчающихся затрудненій при замѣщеніи къ началу учебнаго года вакансій по духовно-учебной службѣ вслѣдствіе несвоевременнаго представленія въ Учебный Комитетъ свѣдѣній объ окончившихъ академическій курсъ лицахъ, представляется необходимымъ имѣть въ Учебномъ Комитетѣ свѣдѣнія, а равно и документы сихъ лицъ, непосредственно по окончаніи учебнаго года“.

Опредѣлили: Изложенныя въ отношеніи Г. Оберъ-Прокурора Святыѣйшаго Синода распоряженія принять къ исполненію.

VII. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за *мартъ* и *апрѣль* мѣсяцы текущаго 1913 года, изъ которыхъ видно, что:

1) въ *мартъ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостыинъ опустилъ 10 лекцій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій и и. д. доцента священникъ И. В. Гумилевскій—по 6 лекцій, ординарный профессоръ М. М. Богословскій—4 лекціи, и. д. доцента Н. Л. Туницкій—3 лекціи и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—2 лекціи; *б) по случаю исполненія обязанностей присяжнаго заступателя въ Окружномъ Судѣ:* ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ—6 лекцій; *в) по семейнымъ обстоятельствамъ:* экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—2 лекціи; *г) по случаю постриженія въ монашество:* и. д. доцента В. А. Троицкій (нынѣ монахъ Иларіонъ)—3 лекціи и *д) по дѣламъ миссіонерской службы:* и. д. доцента И. Г. Айвазовъ—9 лекцій.

2) въ *апрѣль* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій и лекторъ нѣмецкаго языка Г. Я. Томсонъ опустили по 4 лекціи; *б) по случаю командировки въ качествѣ депутата отъ Академіи на юбилей Императорскаго Румянцовскаго Музея:* ординарный профессоръ С. И. Соболевскій—4 лекціи; *в) по дѣламъ миссіонерской службы:* и. д. доцента И. Г. Айвазовъ—3 лекціи.

Опредѣлили: Въдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VIII. Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи по кафедрѣ литургіи, кандидата богословія, священника *Ильи Гумилевскаго* подъ заглавіемъ: „Ученіе Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Посвященная раскрытію ученія Ап. Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ, работа о. Гумилевскаго естественно раздѣляется на двѣ половины. Въ *первой* начертывается образъ душевнаго человѣка съ слѣдующихъ частныхъ сторонъ: а) „условія возникновенія душевной жизни“, т. е. говоря проще, бытія человѣка, „*во 1-хъ въ любви Божіей*“ или божественной воли на основаніи Рим. 4, 19 сл. и I Кор. 15, 37 сл., причемъ слова *πλῆρμα* и *πληροῦται* толкуются не въ смыслѣ только сравненія, но какъ „творческій процессъ созидающей силы Божіей“ (стр. 1—14),—и, *во 2-хъ, въ любви супружеской*, какъ отображеніи любви Божеской, причемъ цѣль любви и Божеской и человѣческой—супружеской опредѣляется „въ чадородіи“,—именно въ томъ, что „Богъ продолжаетъ творить чудо человѣческой жизни при участіи самого человѣка“, толкуя въ этомъ смыслѣ Ефес. 5, 3 и I Кор. 6, 16 (стр. 14—22),—б) *субъектъ душевной жизни—ψυχή—душа*, съ толкованіемъ I Кор. 15, 45—49 (стр. 22—26),—в) *душевное тѣло* человѣка (стр. 26—37), какъ „тѣло плоти—*σῶμα τῆς σαρκός*“, т. е. „какъ членъ космическаго цѣлага (*σῶμα*) и какъ членъ животнаго царства (*σάρξ*)“,—затѣмъ—душевная жизнь: г) *въ ощущеніяхъ*—зрительныхъ, слуховыхъ и проч. (стр. 37—42), д) *въ рѣчи* *человѣческой* (стр. 42—46), е) *въ разумѣ* (стр. 46—83), ж) *гносисъ душевнаго человѣка* (стр. 83—90), з) *въ чувствованіяхъ* (стр. 90—109), и) въ частности—*въ чувствованіяхъ симпатическихъ* или естественной любви (стр. 109—119) и і) *въ любви къ своему тѣлу* (стр. 120—134),—к) *характеръ* *плотской* или *душевной жизни* по Гал. 5, 19—21 и др. (стр. 135—147),—л) *совѣсть* *душевнаго* *человѣка*

(стр. 147—167),—м) *душевная жизнь по сущу ветхозавѣтнаго закона* (стр. 167—186) и н) *значеніе душевной жизни* для духовнаго человѣка по 2 Кор. 4, 16—18. *Вторая половина* даетъ изображеніе духовнаго человѣка въ слѣдующихъ параграфахъ: а) *духъ человѣка*, какъ субъектъ духовной жизни—*ψυχή—πνεῦμα*, причѣмъ духъ признается „состояніемъ“, а не „особымъ центромъ самосознанія или личности“, на основаніи 2 Кор. 7, 1,—2 Тесс. 5, 23,—Евр. 4, 12,—1 Кор. 2, 19,—15, 45—51,—Рим. 8, 9—10 (стр. 195—261),—б) *смыслъ христіанскаго брака*, коего цѣль—свободное отъ похоти и безгрѣшное чадородіе (стр. 261—266),—в) *немощность человѣческой природы*, какъ условіе для проявленія божественной любви къ человѣку и благодати Святаго Духа съ одной стороны, и устремленія человѣка къ божественной благодати—съ другой (стр. 266—272),—г) *общій характеръ духовной жизни* по 1 Кор. 2, 14 и др. (стр. 272—275),—д) *обращеніе Савла, какъ фактъ опознанія пневматической дѣятельности* (стр. 275—279),—е) *богообщеніе—основная черта пневматической жизни* (стр. 279—282), ж) *благодатная любовь Христа къ людямъ, какъ объективное условіе духовнаго возрожденія* (стр. 282—301),—проявленіе духовной жизни: з) *въ состоянїи преобразяемаго разума* человѣка—*γνώσις*’ѣ, *ἐπίγνωσις*’ѣ и *οὐνεσις*’ѣ (стр. 301—333),—и) *въ вѣрѣ* религіозной, въ отличіе отъ естественной вѣры человѣка душевнаго (стр. 333—353),—і) *надеждѣ* религіозной, въ отличіе отъ естественнаго ожиданія и вѣроятныхъ предположеній, въ связи съ страданіями человѣка, неизбѣжными въ дѣлѣ его спасенія,—к) и *любви* духовной, въ отличіе отъ душевной и плотской (стр. 383—405),—л) наконецъ, имѣющее быть при второмъ пришествїи Господа, окончательное преобразеніе или *метаморфоза жизни* человѣка въ духовное состояніе по душѣ и по тѣлу, соотвѣтственно образу Воскресшаго и Вознесшагося Христа, явившагося Апостолу Павлу на пути его въ Дамаскъ (стр. 405—438). Въ концѣ приложены *примѣчанія*, состоящія изъ цитатъ и поясненій (стр. 439—467), и *указатели*—выясненныхъ *понятій* изъ посланій Ап. Павла (стр. 468—475), въ алфавитномъ порядкѣ;—и объясненныхъ *мѣсть Священнаго Писанія* (стр. 476—487),—и *содержаніе сочиненія* (стр. 487—488).

Работа о. Гумилевскаго, какъ это отчасти можно уже замѣтить изъ даннаго краткаго очерка ея содержанія, не при-

надлежитъ къ обычно-школьному типу ученыхъ диссертаций, съ громоздкимъ научно-литературнымъ аппаратомъ, но представляетъ рядъ очерковъ, стремящихся раскрыть учение Ап. Павла о душевномъ и духовномъ чловѣкѣ посредствомъ группировки и объясненія отдѣльныхъ понятій и мѣстъ изъ посланій, главнымъ образомъ на основѣ собственного богословско-христіанскаго вѣропониманія,—найти въ этомъ ученіи грани, коими богозаренный духъ Великаго Апостола можетъ соприкасаться съ вѣросознаніемъ каждаго истинно вѣрующаго и религіозно настроеннаго христіанина, даже независимо отъ его конфессіональной вѣры,—пережить христіанскія идеи Апостола своею собственною личною духовною жизнью и чрезъ то самое найти въ нихъ внутренне-психическія основы для своего христіанскаго вѣросозерцанія и дать отвѣтъ въ своемъ упованіи всякому, требующему въ этомъ отчета (1 Петр. 3, 15).

Въ этомъ—достоинства и недостатки сочиненія.

А. Недостатки:

1) *Со стороны методы.* Отсутствуетъ обычное въ подобныхъ работахъ сравненіе ученія Ап. Павла съ предшествовавшими ему воззрѣніями, особенно греко-философскими и іудейско-раввинскими, а равно и не раскрыто вліяніе апостольскихъ идей на послѣдующее христіанское богословіе, т. е. не показано историческое положеніе ученія Ап. Павла о душевномъ и духовномъ чловѣкѣ. Замѣчаніе это относится не только къ общей идеѣ Апостола и общей постановкѣ дѣла, но и ко всѣмъ частнымъ понятіямъ, составляющимъ предметъ сочиненія о. Гумилевскаго. Соотвѣтствія этимъ, выражаемымъ въ посланіяхъ Апостола на греческомъ языкѣ, понятіямъ въ языкѣ еврейско-библейскомъ, раввинскомъ и греческо-классическомъ,—не только не изслѣдуются, но и совсѣмъ не указываются. Такимъ образомъ предметъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, берется внѣ исторіи, самъ по себѣ,—такъ сказать, субъективно-психологически, а не объективно-исторически.

2) *Со стороны содержанія.* Даетъ себя знать, не скажу случайность, а немотивированность выбора, расположенія и обработки предметовъ разсужденій автора. Взяты не всѣ понятія, взятые изложены не съ исчерпывающею полнотою, и порядокъ ихъ изложенія можетъ вызвать возраженія. По-

чему учение о душевномъ человѣкѣ начато съ понятіи *плѣрма* и любви Божіей, а не съ понятія души и премудрости Божіей? Почему послѣ изложенія понятія „духъ“ рѣчь идетъ именно о бракѣ (стр. 261)? Почему изображеніе жизни душевнаго человѣка оканчивается совѣстью, тогда какъ ему свойственны и аскеза и религіозный экстазъ и др.? Почему объ однихъ предметахъ говорится полнѣе, напримѣръ о надеждѣ, — а о другихъ короче, напримѣръ, о вѣрѣ и любви? Нѣтъ ближайшаго раскрытія и специальныхъ параграфовъ о грѣхѣ, смерти, спасеніи, предопредѣленіи, о богочеловѣческомъ лицѣ Спасителя, объ оправдательной жертвѣ Христа, о церкви и др. Вообще душевная и духовная жизнь человѣка берется безъ ближайшаго уясненія непосредственной связи ея съ хринологіей, сотериологіей и еkkлeсіологіей, которыя у самого Апостола органически срощены съ идеей душевнаго и духовнаго человѣка. Вообще отъ автора требуется обычная въ подобныхъ работахъ и даже, пожалуй, необходимая мотивировка такой именно, а не иной, постановки дѣла, какую даетъ ему авторъ. Нужду въ этомъ сознаетъ и самъ авторъ, если на стр. 245 и сл. говорить что-то для меня не совсѣмъ ясное о своей методѣ и объ основныхъ понятіяхъ, не указуя однакожъ критерія для отдѣленія основныхъ понятій отъ неосновныхъ. Безъ такой мотивировки сочиненіе о Гумилевскаго можетъ показаться рядомъ отрывочныхъ экзегетическихъ очерковъ, безъ цѣлостной картины и обще-богословскаго ея освѣщенія. И такъ какъ это—только видимость, зависящая отъ писательской манеры автора, а въ дѣйствительности въ сочиненіи о Гумилевскаго обще-идейная цѣльность есть, только не указуемая авторомъ прямо, то сдѣлать автору не трудно въ прибавленіи къ сочиненію хотя бы коротенькаго предсловія.

3) *Со стороны изученія источника и научныхъ пособій.* Авторъ не претендуетъ на исчерпывающую полноту экзегеса и притомъ всѣхъ, относящихся къ каждому параграфу, мѣсть изъ посланій Ап. Павла. Онъ беретъ только главныя мѣста, наиболѣе, такъ сказать, яркія и типичныя. И изъ громадной специально-экзегетической литературы древней и новой, за немногими исключеніями, ограничивается только Златоустомъ и Теофа-

номъ, да нѣкоторыми параллелями изъ Добролюбія русскаго. Подробный и сложный экзегесъ, какъ онъ поставленъ въ современной наукѣ, не составляетъ нарочитой задачи автора,—онъ ограничивается, за немногими исключеніями, простѣйшимъ, непосредственно-очевиднымъ и общепринятымъ смысломъ, безъ громоздкаго критико-экзегетическаго балласта новѣйшей западной науки,—для главной задачи автора, надо замѣтить, и бесполезнаго, такъ какъ отъ этого справочнаго матеріала ни мало бы не измѣнился тотъ общепринятый и всегда почти вѣрный смыслъ, коему всегда слѣдуетъ и авторъ. Сюда же мы должны отнести и отсутствіе въ работѣ о. Гумилевскаго новѣйшихъ авторитетовъ по психологіи, этикѣ и др. Онъ, безъ всякаго вреда общимъ выводамъ своимъ, ограничивается только авторитетнымъ и безспорнымъ въ данномъ предметѣ опытомъ древне-христіанскихъ мистиковъ-аскетовъ.

4) Къ этимъ общимъ недостаткамъ можемъ присоединить и нѣкоторыя *частности*:

а) Первый параграфъ озаглавленъ: „Божья любовь“ (стр. 1—14), а говорится о волѣ Бога и Его творествѣ. На стр. 17 *πλεονεξία* толкуется въ значеніи „собственно ненасытнаго сладострастія“ со ссылкой на словарь Schirlitz'a, у котораго ничего подобнаго не имѣется,—да и странно было бы, если бы имѣлось. Стр. 28: понятіе *ὄμα* „обнимаетъ все неорганическое, органическое, животное и *духовное*“ (?). Стр. 51 и 30: будто бы Апостоль смотрѣль „на тѣло, какъ на микрокосмосъ“,--и въ выраженіи *ὄμα τῆς σαρκός* „человѣкъ разсматривается одновременно и какъ членъ космическаго цѣлаго (*ὄμα*) и, въ частности, какъ членъ животнаго царства,—человѣкъ-микрокосмосъ“ (но вѣдь то же можно сказать и о всякомъ животномъ,—развѣ училъ такъ Апостоль?). Стр. 50: „дѣтство—*ступень* къ жизни,—мало этого: оно есть *жизнь* опредѣленной фазы“ (противорѣчіе: и ступень къ жизни и жизнь). Стр. 52: „видимый міръ входитъ черезъ органы чувствъ въ нашу душу, бросая матеріальную тѣнь на ея *зеркальную пневматическую гладь* (? что такое!) Стр. 47—48: „разумъ въ себѣ самомъ носитъ *источникъ обновленія*... долженъ разсматриваться какъ постоянная свободная возможность обновленія *силою собственной энергии*“ (?), а на стр.

56—57: „мы должны помнить, что *источникъ* дѣствующей въ насъ интеллектуальной энергій—*внѣ насъ*, въ Богѣ“, и 59: „только въ такомъ случаѣ (при теоцентраціи) человѣческій разумъ не сковывается законами желѣзной необходимости, *получая отъ Бога свободную возможность рассуждать* независимо отъ данныхъ матеріальной природы“. Стр. 59: „Авраамъ, опираясь на *психологическую* (?) природу своихъ сужденій, повѣрилъ Богу“. 60: „Богъ измѣнилъ сложившуюся *логику* (? мнѣніе?) 68: „синтезъ пыли (*хобс*) и Божьяго дыханія (*пвои*) образовалъ живую душу“. 76: „Любовь Божія вдохнула въ смертное бездушное тѣло дыханіе жизни... зажегъ Господь Богъ въ немъ свѣтъ богоподобнато разума, а *Силь сталъ въ тѣни матеріального міра*“ (но Богъ являлся въ раю Адаму и Евѣ и бесѣдовалъ съ ними?) 80: „дѣятельность разума начала вращаться около ея (плоти) *физиологической* воли“. 81: „откровеніе чрезъ совѣсть *осложняется* (только „осложняется“?) откровеніемъ чрезъ Слово, Боговоплощеніемъ“. 82: „Въ горнилѣ самоотреченія вырабатывается *абсолютный* (?) *субъектъ жизни*“. 102: „Жизнь, о которой мы должны сказать въ духѣ словъ Спасителя: не знаемъ, откуда приходитъ и куда уходитъ“ (но развѣ не знаемъ этого?) 204: „Плоть и духъ въ данномъ случаѣ (въ выраженіи: „очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа“—2 Кор. 7. 1) употребляются въ синонимичномъ (?) значеніи“. Стр. 218: „Фраза бросается въ толпу (1 Кор. 2, 11), гдѣ преобладали немудрые вѣка сего,—предполагается, что смыслъ ея общепонятенъ.—рѣчь идетъ не о знаніи человѣческой психологій“, а на стр. 240 о томъ же изреченіи: „Апостоль изъясняется съ ними техническимъ языкомъ, разсматривая каждого какъ духъ въ установленномъ смыслѣ слова“ (христіанско-богословскомъ и психологическомъ?) Стр. 220: „*Того* (?) Св. Духа расчитанъ на то“...

б) *Неточности въ цитатахъ*: стр. 211: (Trench) и примѣчанія 23. 50. 51. 93. 104. 105. 148. 156. 212 др. нѣк.

в) *Стилистическія неисправности*, впрочемъ весьма немногія, въ видѣ исключеній. Стр. 12 и др.: *субъектъ* жизни (?). Стр. 15: сластолюбивые привкусы. 16: страстный паюось. 21: отображеніе божественной *самости*. 24: человѣкъ сталъ жить *заимствованною* жизнью (? а животныя—какою?)... психическая, грѣхомъ *неизнасилованная* (изъ уголовного языка) жизнь.

33: Самъ Богъ *озабоченъ* созданиемъ. 281: Христось—новая локализация ветхозавѣтнаго центра религіозной жизни: на мѣстѣ Бога—Христось. 204: *трогательное* (?) единеніе (понятій тѣла и плоти). 394: Любовь Христа *подкупаетъ* своимъ самоотверженіемъ. 306: Какъ же *реагируетъ* Апостоль? 395: Павелъ видѣлъ Его (Христа)... *осязалъ* Его присутствіе. 399: *пневматическій* Христось откроется моему сознанию какъ *осязаемый* объектъ.

Б. Но все эти недостатки, частью легко устранимые при печатаніи диссертации, а частью вполне извинительные по трудности и необычности взятаго авторомъ на себя дѣла, въ избыточной мѣрѣ покрываются слѣдующими достоинствами работы:

1) Авторъ далъ, хотя и неполный, но яркій, художественно начертанный и по мѣстамъ глубоко продуманный по посланіямъ Ап. Павла образъ душевнаго и духовнаго человѣка, какъ въ его личной жизни такъ и въ исторіи. Земная жизнь человѣка отъ рожденія до его смерти, постепенное подавленіе въ немъ душевности и возрастаніе духовности, до будущаго воскресенія съ преображенными въ духовное состояніе тѣломъ и душою—это для каждаго отдѣльнаго человѣка. Ветхій Завѣтъ для душевнаго человѣчества и Новый Завѣтъ для духовнаго, до окончательнаго преображенія всего вѣрующаго человѣчества въ царствѣ славы и для вѣчной жизни,—это въ исторіи человѣчества. Вотъ общія границы, въ коихъ авторъ рисуетъ предъ читателемъ захватывающую картину душевнаго и духовнаго человѣка и человѣчества.

2) Какъ въ общемъ подборѣ, такъ и въ частномъ истолкованіи нѣкоторыхъ понятій и мѣстъ проявляется глубина психологическаго анализа, тонкость филологическихъ наблюдений и высота общихъ построений и созерцаній. Въ особенности можно отмѣтить: *σπέρμα* и *σπείρεται* стр. 5 сл.—1 Кор. 15, 45—49 стр. 23 сл.,—различіе понятій *σῶμα* и *σάρξ* стр. 26 сл.,—о человѣческой рѣчи стр. 42 сл.,—о разумѣ и гносисѣ душевнаго человѣка по Рим. 1, 21—23; Дѣян. 14, 15—17 и 17, 24—30 стр. 46—83,—о совѣсти по Дѣян. 23, 1 и Рим. 2, 14—15 стр. 147 сл.,—душевная жизнь по суду ветхозавѣтнаго закона Рим. 7, 5 стр. 167 сл.,—въ довольно большомъ сравнительно параграфѣ о „духѣ“ обсто-

ятельно раскрыто, что „дух“ въ посланіяхъ Апостола Павла есть только состояніе души человѣческой, а не отдѣльная часть человѣка или особый центр личности и самосознанія, стр. 195—260,—о благодати и любви стр. 282—301,—толкованіе Гал. 5, 6,—1 Кор. 7, 29—31,—2 Кор. 3, 18,—состояніе преображеннаго разума и характеристика *γνώσις*'а, *ἐπιγνώσις*'а и *σέβεις*'а стр. 301 сл.,—объясненіе глагола *κατοπτρίζομαι* стр. 413 сл., употребленія частицъ *μή* и *οὐ* стр. 416 и др.

3) Изложеніе ясное, продуманное, по мѣстамъ красочное и краткое до афористичности, благодаря чему внѣшніе размѣры сочиненія много сокращены противъ обычнаго изложенія.

4) Почти всѣ понятія и обозначаемыя ими психическія состоянія человѣческія снабжены превосходными иллюстраціями изъ древне-христіанскихъ аскетовъ-мистиковъ, опытно переживавшихъ на себѣ самихъ эти состоянія и изобразившихъ ихъ самолично-письменно или устно. Эти параллели и иллюстраціи въ тѣхъ сторонахъ сочиненія, какихъ онѣ касаются, придаютъ работѣ о. Гумилевскаго характеръ опытно-психологическаго изслѣдованія и научной документальности.

5) Но главное достоинство труда о. Гумилевскаго въ томъ, что взятый имъ предметъ, по самому своему существу недоступный школьной и мертвенно-схоластичной обработкѣ, поставленъ авторомъ на почву опытно-психологическаго переживанія, чѣмъ придается сочиненію жизненно-дѣйственное значеніе для современнаго религіозно-нравственно настроеннаго человѣка, такъ какъ оно идетъ навстрѣчу нарождающейся и насущнѣйшей потребности современнаго русскаго общества въ богоискательствѣ и религіи. Новый Завѣтъ для о. Гумилевскаго не „мертвое кладбище исторически прошлыхъ идей“, но вѣчно живое и дѣйственное Слово Божіе, проникающее до глубины души и духа и судящее помысленія и намѣренія сердца (Евр. 4, 12). Своимъ сочиненіемъ о. Гумилевскій немало посодѣйствуетъ отклоненію упрека, идущаго не только отъ инославныхъ (старообрядческій журналъ „Церковь“ 1912 г. № 42, стр. 1001—1002), но и отъ многихъ православныхъ (напр. К. П. Побѣдоносцевъ) людей,—упрека русской школьной православной богословской наукѣ въ схоластичной мертвенности и отрѣшенности отъ современной жизни,—„въ такомъ же изученіи религіи и христіанства, какъ изучаютъ географію и ариѳметику, при

чемъ Библія и Церковь съ ея исторіей есть только археологія,—запустѣвшее и ненужное кладбище отжившихъ идей и великихъ, но навсегда „умершихъ“ для жизни людей“. О. Илія стремится „дать религіозное знаніе не какъ схоластично-школьную ученость, ради одного знанія, а какъ отвѣтъ на религіозные запросы и сомнѣнія,—какъ свѣточъ въ путяхъ и внутренно-религіозной и буднично-повседневной, церковной, семейной и гражданской жизни“, стараясь, по мѣрѣ даннаго ему отъ Бога таланта, удовлетворить требованіе указа Св. Пр. Синода отъ 4 февр. 1895 г. за № 439, по коему „задача всякаго духовно-ученаго труда не въ томъ состоитъ, чтобы проводить въ убѣжденія и въ жизнь русскаго общества послѣднія изысканія и выводы протестантскихъ и другихъ иномыслящихъ богослововъ, а въ томъ, чтобы взятую тему раскрыть, изслѣдовать, разъяснить съ православной точки зрѣнія въ полномъ согласованіи съ ученіемъ Отцевъ и Учителей Церкви“ (Журналы Совѣта Московской Дух. Академіи за 1895-й годъ, стр. 32). Поэтому трудъ о. Иліи можно горячо привѣтствовать какъ опытъ нѣкакого новаго направленія въ научно-богословской обработкѣ Священнаго Писанія, или точнѣе—какъ возвращеніе къ весьма распространенному въ древней Церкви типу святоотеческаго экзегеса.

Въ виду сказаннаго и принимая во вниманіе неизбѣжность всякихъ, и крупныхъ и мелкихъ, общихъ и частныхъ, недостатковъ въ каждомъ человѣческомъ произведеніи—съ одной стороны, и легкую устранимость всѣхъ вышеуказанныхъ частныхъ и мелкихъ неисправностей—съ другой стороны,—считаю разсмотрѣнное сочиненіе вполне достойнымъ для присужденія о. Иліи ученой степени магистра православнаго богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи *священника* *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Гумилевскаго представляетъ серію экзегетическихъ этюдовъ, посвященныхъ выясненію понятій душевной и духовной жизни по даннымъ ученія Апостола Павла. Въ сочиненіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе методъ автора: онъ изслѣдуетъ ученіе Апостола Павла внѣ какой-либо исторической перспективы,—что о подоб-

ныхъ изучаемымъ имъ явленіяхъ говорилось въ ветхомъ за-
вѣтѣ и въ другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ, не интересу-
еть писавшаго, тѣмъ болѣе онъ не отваживается, даже въ
области соматической антропологіи Апостола. на экскурсѣ
въ сферу античной натуръ-философской мысли; онъ начи-
наетъ работу, ведетъ ее и кончаетъ по исключительнымъ
даннымъ посланій Апостола Павла и его рѣчей по книгѣ
Апостольскихъ Дѣяній. Такая постановка вопроса изслѣдо-
ванія заставила автора прибѣгать къ самоизмышленному
толкованію тамъ, гдѣ несравненно болѣшую пользу принесли
бы ветхозавѣтныя, а тѣмъ болѣе новозавѣтныя параллели.
Сближеніе антропологіи ветхозавѣтныхъ агиографовъ съ уче-
ніемъ Апостола могло бы дать не мало поучительнаго, даже
instar flo^{ri}umъ были бы умѣстны и равнинскія параллели.
онѣ давали бы фонъ, на которомъ рельефнѣе бы выступало
духовенное ученіе Апостола. Вызываютъ вопросъ и рубрики
(параграфы) въ рецензируемомъ сочиненіи, почему ихъ
именно столько, а не болѣе или менѣе, матеріаль расиредѣ-
ленъ не безспорно,—нѣкоторыя рубрики могли бы очевидно
быть съ пользою соединены въ общій отдѣлъ, по мѣстамъ
группировка носить отпечатокъ субъективизма. Таково же впе-
чатлѣніе отъ обильно приводимыхъ въ сочиненіи выписокъ
изъ твореній писателей аскетовъ (по Добротолію), — дать
этимъ экскерптамъ епэкзегетическое значеніе по мѣстамъ труд-
но. они выступаютъ нерѣдко съ характеромъ параллелей къ
ученію Апостола, сами нуждаясь въ еще болѣшемъ коммен-
таріи, чѣмъ тотъ текстъ, для изъясненія котораго приве-
дены, въ другихъ мѣстахъ они являютъ собою практическіе
выводы изъ ученія Апостола въ отнесеніи къ земному по-
движничеству человѣка. чему соотвѣтствуетъ и ихъ гомиле-
тическій тонъ. Вообще теоретизированіе антропологическихъ
вопросовъ у о. Гумилевскаго неразрывно связано съ право-
ученіемъ, практическими выводами, отсюда антропологія
Апостола подъ его перомъ сорастворяется съ этикою и со-
теріологіею. Если у Апостола и констатируется взаимопро-
никновеніе теологическаго и антропологическаго элементовъ
въ ученіи, то разграниченіе этихъ стихій могло бы стать
задачею писавшаго о тѣлесности и духовности возрожден-
наго и о душевности естественно-природнаго состоянія че-
ловѣка. Языкъ сочиненія представляетъ сравнительно рѣд-

ко туманныя построения, болѣе часто онъ не чуждъ вульгаризмовъ, требующихъ тщательнаго исправленія при печатаніи работы.

Но въ сочиненіи о. Гумилевскаго не мало и достоинствъ. Онъ даетъ опытъ толкованія отдѣловъ Священнаго Писанія на психологической основѣ, безъ злоупотребленія филологическимъ методомъ, всецѣло господствующимъ въ западныхъ истолковательныхъ трудахъ, отсюда въ работѣ о. Гумилевскаго ощутимо бѣненіе жизни въ выгодное отличіе отъ сухихъ громоздкихъ схемъ западной экзегетической учености. Какъ богословъ, стремящійся къ опытному Богопознанію и къ познанію человѣка въ Богѣ, нашъ авторъ говоритъ о живомъ, нестарѣющемъ ученіи Апостола. Для него антропология Апостола—исповѣдь Богопросвѣщенной души Апостола, приводящая въ созвучное трепетаніе фибры нашего духовнаго существа. Но нельзя сказать, чтобы нашъ авторъ боялся превращенія и въ безстрастное филологическое око, тамъ, гдѣ нужно, онъ черпаетъ данныя и изъ лингвистическихъ пособій, но эти обращенія къ новозавѣтной и вообще греческой лексикѣ онъ дѣлаетъ по дѣйствительной потребности въ подобномъ комментированіи текста, а не всюду *in extenso* въ своей работѣ: такіе филологическіе экскурсы вкраплены въ ткань герменевтическихъ построений въ духъ патристическаго экзегесиса, каковы, напримѣръ, сужденія автора объ умѣ человѣка по даннымъ Апостольскаго ученія, особенно красочно изложеніе въ отдѣлѣ о гносисѣ плотскаго человѣка, въ рубрикѣ о замѣчаемой дихотоміи въ представленіи о существѣ человѣка по даннымъ Апостольскаго ученія, въ отдѣлѣ о понятіи *πνευμα* у Апостола, о развитіи души, но своего наивысшаго напряженія мысль толкователя достигаетъ въ рубрикѣ о христіанскомъ гносисѣ, о вѣрѣ, надеждѣ и любви и вообще о преобразованіи жизни въ христіанствѣ (все для изьясненія понятія человѣческой духовности). Менѣе важны по выводамъ и композиціи отдѣлы: о брачной жизни человѣка, гдѣ иногда замѣчается вычурность толкованія (напримѣръ, отнесеніе понятія „сѣтса“ въ I Коринѣ. 15, 42 ко всему земному состоянію человѣка) или трудно поддающіеся анализу сориты (напримѣръ, привлеченіе чуда зачатія Исаака для объясненія естественнаго рожденія и зачатія), о различіи понятій *σωμα* и *σαρξ*, какъ о различіи

органическаго и душевнаго (въ этомъ отдѣлѣ какое-то смѣшеніе отвлеченныхъ философскихъ разсужденій съ экзегезисомъ Апостольскихъ мѣстъ), объ особой человѣческой тѣлесности и о твореніи человѣка. При рѣчи о дихотоміи человѣческаго существа не сказано, кто являлся представителемъ мнѣнія объ его трихотоміи на основѣ тѣхъ же данныхъ Апостольскаго ученія, какія разбираетъ авторъ, и какіе аргументы приводились въ защиту такого пониманія Апостольскихъ реченій.

По мѣстамъ ощутишь въ сочиненіи о. Гумилевскаго не исчерпывающій экзегезисъ, напримѣръ, Евр. 11, 11; Рим. 1, 28—32; Тим. 2, 15; Евр. 12, 14 и т. п. Неясно рецензенту и то, почему филологическія (грамматико-вербальныя и стилистическія) справки заимствуются авторомъ въ одномъ мѣстѣ изъ одного словаря, въ другомъ изъ иного, какъ будто для него критическій авторитетъ его филологическихъ пособій не представлялся вполне твердымъ. Сужденія автора о раввинической морали нѣсколько апіорны, если сопоставить ихъ хотя бы съ нравственно-дидактической антологіей внѣбиблейскаго іудейства: Пиркэ Авотъ или съ опредѣленіями „дерехъ ерецъ“—нравственнаго поведенія въ Пиркэ рабби Нааана. Конечно, обычное сужденіе о раввинической морали не въ ея пользу, но въ научной работѣ лучше избѣгать непровѣренныхъ *loci communes*.

Какъ цѣлое, сочиненіе о. Гумилевскаго производитъ самое хорошее впечатлѣніе, и онъ безусловно заслуживаетъ некоей имъ степени“.

Справка: 1) По § 172 устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) И. д. доцента *священникъ И. В. Гумилевскій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1907 году со степенью кандидата богословія и правомъ приисканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—3) По § 109 лит. а пп. 15—16 академическаго устава

„распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученія степени и оцѣнка оныхъ“, а равно—„одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на учрежденныя при Академіи преміи или на соисканіе ученыхъ степеней“—значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, признать представленное на соисканіе степени магистра богословія исправляющимъ должность доцента Академіи священникомъ *И. В. Гумилевскимъ* сочиненіе на вышеуказанную тему достаточнымъ для сей степени и одобрить оное къ напечатанію.—2) Сужденіе о коллоквиумѣ имѣть по представленіи священникомъ *И. В. Гумилевскимъ* Преосвященному Ректору Академіи 65-ти экземпляровъ напечатанной диссертаціи.

IX. Прошеніе Московскаго Придворнаго Благовѣщенскаго собора *протоіеря Николая Извъкова:*

„Честь имѣю просить Совѣтъ Академіи принять въ дополненіе къ представленному ранѣе на соисканіе степени доктора церковной исторіи моему труду: „Московскія Кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII в.“ г. Москва. 1906. прилагаемые при семъ мои новые печатные труды: 1) „Московскій Придворный Благовѣщенскій соборъ“. Г. Москва. 1911; 2) „Церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы и прав. Лазаря въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 3) „Верхоспасскій Соборъ“. Г. Москва. 1912; 4) „Церкви во имя Воскресенія Христова и Воздвиженія Честнаго Креста Господня въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 5) „Церковь въ честь Святой Великомученицы Екатерины въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 6) „Церковь во имя Положенія ризы Богоматери во Влахернѣ съ часовнею Печерской Б. Матери при Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 7) „Церковь во имя Рождества Св. Іоанна Предтечи, что въ Боровицкой башнѣ, въ Московскомъ Кремлѣ“. Г. Москва. 1913 г. и 8) „Соборный храмъ во имя Преображенія

Господня, что на Бору, при Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1913 г.

Всѣ означенныя книги мною представляются въ трехъ экземплярахъ каждая. Недостающее число оныхъ до узаконеннаго будетъ представлено по первому требованію Совѣта“.

Опредѣлили: 1) Вновь представленные протоіереемъ Николаемъ Извѣковымъ труды передать для разсмотрѣнія рецензентамъ его докторской диссертациі—экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирнову* и и. д. доцента по кафедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасову*.—2) Поручить академической Канцеляріи нынѣ же истребовать отъ о. протоіерея Извѣкова еще по 17-ти экземпляровъ всѣхъ, представленныхъ имъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи, печатныхъ трудовъ,—для раздачи членамъ Совѣта Академіи.

Х. Отношеніе Г. Директора Императорскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II въ Москвѣ, отъ 22 марта за № 913:

„Въ виду исполняющагося 300-лѣтія царствующаго Дома Романовыхъ Совѣтъ Императорскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II-го, для достойнаго съ своей стороны чествованія столь знаменательнаго событія, постановилъ, въ числѣ прочихъ своихъ предпріятій, созвать въ Москвѣ Археологическій Съѣздъ изъ членовъ Института.

Означенный съѣздъ имѣетъ состояться, подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Почетнаго Попечителя Института Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича, въ дни Высочайшаго присутствія въ Москвѣ въ концѣ мая (предположительно съ 27 числа) въ теченіе пяти дней, изъ которыхъ часть будетъ отведена публичнымъ засѣданіямъ, съ произнесеніемъ рѣчей, посвященныхъ событію, и чтеніемъ ученыхъ докладовъ по вопросамъ исторіи, археологіи и искусствъ изъ эпохи Романовыхъ, а часть употреблена на обзоръ памятниковъ и древностей, преиму-

щественно относящихся къ той эпохѣ, а также на осмотръ собраній и достопримѣчательностей Москвы вообще.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Предсѣдателя Сѣзда, имѣю честь сообщить о вышеизложенномъ Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи.—При избраніи командируемыхъ лицъ изъ состава учреждений на Археологическій Сѣздъ при Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ имени Императора Николая II. по поводу предстоящихъ юбилейныхъ торжествъ, покорнѣйше прошу имѣть въ виду, что доступъ на Сѣздъ въ качествѣ членовъ Сѣзда открытъ только для членовъ Института, почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ. Въ крайнемъ случаѣ, если бы оказалось почему-либо невозможнымъ удовлетворить означенному требованію, желательно особенно заблаговременное сообщеніе о командируемыхъ лицахъ, для принятія со стороны Совѣта Института надлежащихъ мѣръ къ открытію ему такового доступа“.

Опредѣлили: Депутатами отъ Академіи на Археологическій Сѣздъ при Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ Имени Императора Николая II назначить ординарнаго профессора по кафедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскаго* (состоящаго членомъ Института) и н. д. доцента Академіи по кафедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*,—о чемъ и сообщить Г. Директору Института.

XI. Отношеніе Высокопреосвященнаго *Агаводора*, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 12 апрѣля. за № 1180:

„Ставропольскій епархіальный миссіонеръ-проповѣдникъ. протоіерей Симеонъ *Никольскій* обратился ко мнѣ съ просьбою исходатайствовать у Совѣта Академіи разрѣшеніе г. бібліотекарю фундаментальной бібліотеки оной о высылкѣ ему Никольскому, почтою въ г. Ставрополь бібліи на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ и еврейскаго лексикона, для пользованія таковыми, въ цѣляхъ служенія миссіи, въ продолженіи семи мѣсяцевъ.—Въ виду сего покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи, не признается ли воз-

можнымъ удовлетворить вышеизложенное ходатайство протоіерея Никольскаго“.

Опредѣлили: Выслать въ Канцелярію Высокопреосвященнаго Архіепископа Агаѳодора, для пользованія протоіерея Симеона Никольскаго, означенныя въ отношеніи изданія на семимѣсячный срокъ.

ХII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкаго*:

„Имѣю честь докорѣйше просить Совѣтъ Академіи обратиться къ Юго-Славянской Академіи Наукъ въ Загребѣ (*Jugoslavenska Akademija Znatnosti i Umjetnosti u Zagrebu*) съ просьбой выслать въ нашу Академію для моихъ научныхъ занятій двѣ рукописи изъ Собранія Михановича: III. с. 24 и III. с. 22,—южно-славянскія Миней—Четыри за мѣсяцы сентябрь и октябрь“.

Опредѣлили: Просить Юго-Славянскую Академію Наукъ въ Загребѣ о высылкѣ на трехмѣсячный срокъ означенныхъ въ прошеніи и. д. доцента Н. Л. Туницкаго рукописей изъ собранія Михановича.

ХIII. Представленіе *Библиотечной Коммисіи*, отъ 29 марта за № 1120:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библиотечная Коммисія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 1217 (Проф. А. П. Шостыина), 968 (Проф. С. С. Глаголева), 1094, 1095 и 1096 (Проф. М. М. Гарѣева), 982 (Проф. М. М. Богословскаго), 801 (Проф. П. П. Соколова), 977 (Проф. С. И. Смирнова), 76 (Проф. свящ. Е. А. Воронцова), 791, 805, 967, 973, 975 и 980 (Проф. Д. И. Введенскаго), 983 и 979 (Проф. А. П. Орлова), 1206 (Проф. свящ. Д. В. Рождественскаго), 794 и 795 (Проф. свящ. В. Н. Страхова), 969, 970, 1202 и 1203 (Доцента Н. В. Лысогорскаго), 800 и 963 (И. д. доцента Ѳ. М. Россейкина), 1004, 1005, 1006, 1007, 1008, 1009 и 1010 (И. д. доцента А. М. Туберовскаго), 797 и 966 (И. д. доцента свящ. И. В. Гумилевскаго), 804

(И. д. доцента свящ. I. М. Смирнова), 724 и 725 (И. д. доцента Н. Д. Протасова), 641, 642, 796 и 1049 (И. д. доцента іеромонаха Вареоламея), 1201 (Лектора свящ. Н. А. Преображенскаго), 802 (Лектора А. К. Мишина) и 793 (Лектора Г. Я. Томсонъ).

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической бібліотеки означенныя въ заявленія г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XIV. Отношенія:

а) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 16 марта за № 570, съ увѣдомленіемъ о полученіи изданія, возвращеннаго Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 15 марта за № 84.

б) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 3 апрѣля за № 628, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора Д. И. Введенскаго, 3-хъ названій книгъ и журналовъ въ 4-хъ томахъ—срокомъ на 6 мѣсяцевъ и 5 названій въ 7-ми томахъ—срокомъ на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Отношеніе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, отъ 27 марта за № 883:

„По встрѣтившейся надобности Общество имѣеть честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи выслать на трехмѣсячный срокъ двѣ рукописи ея бібліотеки: 1) № 175, по описанію архим. Леонида, вып. II, № 10, стр. 182—200 и 2) № 137, по тому же описанію, II, № 6, стр. 313—316“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, означенныя въ отношеніи рукописи высланы въ Общество на трехмѣсячный срокъ при отношеніи отъ 1 апрѣля за № 99.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Прощеніе преподавателя Макарьевского духовнаго училища *Ивана Чистякова*:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи выдать мнѣ, въ возможно непродолжительномъ времени, свидѣтельство, съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ мною по всѣмъ, прослушаннымъ мною, предметамъ академическаго курса.

Означенное свидѣтельство требуется для представленія, вмѣстѣ съ другими документами, въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое не довольствуется одними краткими отзывами объ успѣхахъ по каждому предмету, означенными въ дипломѣ.

Я окончилъ курсъ Академіи въ 1905 году. Мой дипломъ, за № 610-мъ, выданъ мнѣ Совѣтомъ Академіи отъ 11-го іюня 1905 года“.

Опредѣлили: Выдать преподавателю Макарьевского духовнаго училища, кандидату богословія, *Ивану Чистякову* прощное имъ свидѣтельство съ обозначеніемъ балловой оцѣнки его познаній по предметамъ академическаго курса.

XVII. Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Шума Андрея* на тему: „Генезисъ идеи Бога у Льва Толстого“.

1) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Цѣлое озеро чернилъ затрачено въ литературѣ, какъ въ русской, такъ и иностранной, на изслѣдованія о Львѣ Толстомъ. То панегирическія, то полемическія, они рѣдко бываютъ достаточно спокойными, чтобы можно было ими удовлетвориться. Но въ этомъ беспокойномъ тонѣ несправедливо винить изслѣдователей: самъ Толстой внутренно неспокоенъ и дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы передать это свое состояніе своему читателю. Писанія Толстого не просто обсуждаютъ волнующія темы, но и сознательно вызываютъ. При этомъ понятно, конечно, что это бурленіе страстей, въ сферѣ религіи вообще наибольшее, сосредоточивается около идеи Бога. Къ тому же, Толстой никогда не давалъ себѣ труда вникнуть въ идеи таинства, догматы церкви; весь религіозный порывъ его души устремляется на

одну только идею Бога. И вся жизнь его, какъ вскрываетъ г. Шумъ, есть не что иное, какъ борьба Толстого противъ себя самого именно около этой, средоточной, идеи. Всегда стремясь въ самой глубинѣ души своей утвердить вѣру въ личнаго, премірнаго Бога, Которому можно молиться и Который можетъ внимать молитвѣ, Толстой всегда же не давалъ этой вѣрѣ восторжествовать и старался создать суррогатъ ея изъ разныхъ видовъ „вселенскаго чувства“,—послѣдовательно уточняя матеріаль для своей поддѣлки, но никогда не отказываясь отъ основного замысла. Борець противъ себя самого; человекъ, изъ боязни единаго подлиннаго подвига,—подвига вѣры —, выдумывавшій тысячи мнимыхъ; великій лицедѣй, всю жизнь совершенствовавшій и облагораживавшій свою роль; литературный реалистъ, такъ и не сумѣвшій понять, что свое, живое лицо, каково бы оно ни было, выразительнѣе и глубже наиболѣе поддѣланной маски,—Толстой постепенно вытравлялъ въ себѣ свое истинное „я“. и оно постепенно задыхалось подъ густымъ слоємъ славы и поддѣлокъ Бога. Приблизительно такова основная мысль г. Шума. Какъ видно, она прямо противоположна основной мысли Мережковскаго и другихъ изслѣдователей.

Драма жизни Толстого всегда идетъ около идеи Бога. Отнестись при изученіи этой драмы возможно безпристрастно къ ней мыслимо лишь при историческомъ разсмотрѣніи ея послѣдовательныхъ фазисовъ. А это приводитъ изслѣдователя къ необходимости выяснить генезисъ идеи Бога у Толстого.

Какъ ни странно, но въ необъятной литературѣ о Толстомъ нѣтъ, насколько намъ извѣстно, ни одного, которое ставило бы себѣ такую задачу. И, среди множества пособій, имѣвшихся въ рукахъ у г. Шума, не было ни одного, которое могло бы послужить образцомъ для него и дать руководящую нить. Изучать религію Толстого гуртомъ—очень легко; вникать же въ каждый фазисъ ея особо — требуетъ напряженнаго вниманія къ отбѣнкамъ и полутонамъ мысли и настроеній. Степень ихъ различія заранѣе не извѣстны: иначе не было бы нужды въ изслѣдованіи. Въ итогѣ всего изслѣдованія можетъ даже оказаться, что отдѣльныя стадіи въ развитіи идеи Бога вовсе не такъ существенно разнятся между собою, какъ то хотѣлось представить самому Толсто-

му и какъ въ томъ склонны повѣрить ему иные изслѣдователи. Такой итогъ не вполне соответствуетъ поискамъ, но и онъ обрѣтается лишь изслѣдованіемъ. Г. Шумъ заслуживаетъ похвалы за мужество и непредвзятость мысли, съ которыми онъ устанавливаетъ этотъ фактъ, идущій вразрѣзъ чуть не со всею литературою и весьма цѣнный для апологета. Пояснимъ нашу мысль сравненіемъ. Положимъ, нѣкоторый изслѣдователь задумалъ бы написать эволюцію видовъ и, въ результатъ своихъ изысканій, пришелъ бы къ тому выводу, что никакой эволюціи видовъ не было. Выводъ этотъ, конечно, былъ бы простъ; но обосновать его было дѣломъ сложнымъ, и произведенный трудъ заслуживалъ бы полного вниманія. Подобно сему, г. Шумъ задается намѣреніемъ изучить именно *генезисъ* идеи Бога. Самъ Толстой неоднократно заявлялъ, что его понятіе о Богѣ существенно мѣнялось, а большинство изслѣдователей повѣрило ему на слово. И конечно, изучить это, дѣйствительное или мнимое, измѣненіе можно только тѣмъ способомъ, какимъ вообще изучается всякій генезисъ, а именно: разграничивая всю жизнь Толстого на рядъ отдѣльныхъ, естественно отчленяющихся другъ отъ друга періодовъ, и вникая въ каждое такое біографическое звеноособо. Но ни одинъ добросовѣстный изслѣдователь не застрахованъ при этомъ отъ вывода, подобнаго тому, какой получилъ г. Шумъ. Этотъ выводъ гласитъ, именно что отдѣльныя фазы Толстовской біографіи, столь различныя съ перваго взгляда, въ существѣ своемъ почти не разнятся между собою и весьма однородны. Оказывается, что генезиса почти не было, но это „не было“ потребовало сложнаго доказательства путемъ изслѣдованія генезиса же,—тамъ, гдѣ его можно было подозрѣвать.

Для этого изученія г. Шумъ вчитался, кромѣ сочиненій самого Толстого, въ важнѣйшіе документы, характеризующіе его личность и его жизненные отношенія. Но при дальнѣйшемъ усовершенствованіи сочиненія ему слѣдовало бы, кромѣ этого, печатнаго, матеріала, привлечь къ дѣлу и матеріаль рукописный. Къ достоинствамъ сочиненія нужно отнести множество тонкихъ наблюденій надъ мелкими, но очень выразительными подробностями Толстовскихъ писаній: даже въ мелочи Толстой настойчиво вкладывалъ свои основныя настроенія. Такъ, разъясняя стремленіе Толстого, въ

его періодъ „аморалистическаго пантеизма“, принизить человѣка и его культуру передъ инстинктомъ природной жизни. г. Шумъ сопоставляетъ два отрывка изъ „Казаковъ“.

„Фазана посадилъ, — прошепталъ старикъ (т. е. дядя Брошка, носитель звѣриной правды міра), оглядываясь и надвигаая себѣ на лицо шапку—мурло-то закрой: фазанъ.—Онъ сердито махнулъ на Оленина и *полезъ* дальше, почти на четверенькахъ.—*Мурла* *человѣчьяго* не любить“. А въ другомъ случаѣ, о которомъ Толстой повѣствуетъ черезъ три страницы далѣе, тотъ же Оленинъ сидитъ въ логовищѣ оленя, въ лѣсу, и размышляетъ: „Сижу, а вокругъ меня стоятъ молодыя и старыя деревья, и одно изъ нихъ обито плетями дикаго винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя другъ друга, и чуютъ, можетъ быть, убитыхъ *братьевъ*... Чуютъ, можетъ быть, чакалки и съ *недовольными лицами* пробираются въ другую сторону“.

„Эти живыя картинки,—говоритъ г. Шумъ,—созданы Толстымъ не случайно. Дядя Брошка на четверенькахъ, съ закрытымъ шапкою лицомъ; Оленинъ съ звѣринымъ „мурломъ“, вмѣсто лица человѣческаго; фазаны съ недовольными „лицами“ и, наконецъ, дерево, обвитое плетями дикаго винограда. — все это можетъ быть поставлено въ параллель съ древне-языческими священными изображеніями. Тамъ, какъ и здѣсь, люди изображаются съ звѣриными „мурлами“, а звѣри—съ человѣческими лицами; члены человѣческаго тѣла переплетаются съ членами животныхъ, даже растений.— Великаго Пана съ Козломъ, Пазифаи съ Быкомъ, Леды съ Лебедемъ и т. д. Очевидно, какъ тамъ, такъ и здѣсь одна и та же идея единства всего живого, единства, простирающагося до того, что нельзя провести границы между звѣремъ и человѣкомъ, между животнымъ и растеніемъ: „одно въ другое переходитъ, одно переливается въ другое, какъ отдѣльныя цвѣта радуги“. Все индивидуальное, отдѣльное исчезаетъ въ общемъ, въ единой міровой жизни“.

Въ другихъ случаяхъ, Толстой подобными же приѣмами глумится надъ Церковью. Достойно удивленія, что выходки противъ Церкви Толстой допускаетъ, какъ доказываетъ г. Шумъ, даже въ тотъ періодъ, когда самъ онъ сталъ ходить въ церковь, соблюдать посты, и вообще выдавалъ себя за православнаго. Такъ, въ письмѣ къ Н. Н. Страхову, относящемся

къ 1873-му году и написанномъ, яко бы, въ защиту православнаго обряда, Толстой выдаетъ свое истинное отношеніе къ православію только двумя, какъ бы невзначай брошенными, словами и измѣненіемъ единственнаго числа нѣкоторыхъ словъ на множественное. „Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю, и вы, и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣйствій, жизни людей, непосредственно (*какъ животна*) вліявшихъ одни на другихъ, начиная съ жизнью Авраамовъ, Моисеевъ, Христовъ [! П. Ф.], святыхъ отцовъ, ихъ жизнями и внѣшними даже дѣйствіями—колѣноопреклоненіями, постомъ, соблюденіями дней и т. д. Во всей массѣ безчисленныхъ дѣйствій этихъ людей почему-то извѣстныя дѣйствія выдѣлились и составили одно цѣлое преданіе, служащее единственнымъ отвѣтомъ на вопросы сердца. И потому для меня въ этомъ преданіи не только *нѣтъ* ничего бессмысленнаго, но я даже и не понимаю, какъ къ этимъ явленіямъ прилагать повѣрку смысленнаго и бессмысленнаго... Такъ что я вполне *плаваю* какъ рыба въ водѣ въ *бессмыслицахъ*“... А приблизительно черезъ три года (на послѣднихъ страницахъ „Анны Карениной“) онъ заставляетъ Левина выступать апологетомъ Церкви: „Да, одно очевидное, несомнѣнное проявленіе Божества, раздумываетъ Левинъ,— это *законы добра*, которые явлены міру откровеніемъ и которые я чувствую въ себѣ и въ признаніи которыхъ я не то что соединяюсь, а *волей-неволей* соединенъ съ другими людьми въ одно общество вѣрующихъ, которое называютъ Церковью“. Къ этой „церкви“ принадлежатъ „волей-неволей“ и евреи и магометане и конфуціанцы и буддисты и даже животныя. Въ это время Толстой все еще *продолжалъ* выдавать себя членомъ православной Церкви. И вотъ, отвѣчая читателю и себѣ самому на естественныя недоумѣнія отъ такого опредѣленія Церкви, Толстой опять дѣлаетъ смѣшокъ: „*Церковь? Церковь?*“ повторилъ себѣ Левинъ, перелегъ на другую сторону и, облокотившись на руку, сталъ глядѣть *вдаль*, на сходящее съ той стороны къ рѣкѣ *стадо*“: Смыслъ этого образа, конечно, ясенъ: Левинъ-Толстой смотритъ на Церковь издали и сверху внизъ: она—на „той сторонѣ“, а онъ—въ *своей* „церкви“, куда допускаются „и конфуціанцы и буддисты и магометане“, но только не православные, ибо они—презрѣнное „стадо“. Далѣе Левинъ выдаетъ Толстого въ

томъ, что мнимое признаніе православной Церкви Толстой сдѣлалъ для себя возможнымъ лишь при помощи подмѣна каждаго церковнаго понятія своими собственными.

Съ внѣшней стороны сочиненіе г. Шума представляетъ пріятное исключеніе изъ большинства студенческихъ работъ: языкъ его вполне правильный, точный, построеніе фразъ изящное, изложеніе не пестритъ иностранными словами. Все сочиненіе отъ начала и до конца читается легко и съ неслабымъ интересомъ.

Обращаясь къ недостаткамъ сочиненія, прежде всего должно отмѣтить малую подготовку автора, какъ въ области философіи вообще, такъ и въ частности въ области философіи религіи. Если бы освѣдомленность автора была здѣсь основательнѣе, то многія изъ устанавливаемыхъ или только слегка намѣчаемыхъ имъ положеній пріобрѣли бы бѣльшую прочность и глубину. Съ другой стороны, бѣльшія познанія въ психологіи и исторіи религіи позволили бы г. Шуму увидать внутреннюю необходимость многихъ такихъ сторонъ философствованія Толстого, которыя сейчасъ представляются ему лишь случайностью біографіи. Можно было бы также пожелать бѣльшей твердости и смѣлости въ проведеніи основныхъ линій изслѣдованія; иногда онѣ расплываются и теряютъ отчетливость.—

Въ заключеніе рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ выразить свое настоятельное пожеланіе, чтобы это нужное сочиненіе, по небольшой обработкѣ, возможно скорѣе было напечатано. Степени кандидата г. Шумъ вполне заслуживаетъ“.

2) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Написать сочиненіе на данную тему—дѣло очень легкое. О Толстомъ имѣется обширная литература и литература, такъ сказать, послѣобѣденнаго характера: беллетристическія произведенія, легкія критическія статьи. Читеніе такой литературы не затруднитъ головы и не помѣшаетъ пищеваренію. Но съ другой стороны сказать о Толстомъ что-нибудь новое—дѣло очень трудное. О Толстомъ писали и говорили очень многіе.

Такъ, работа г. Шуму, думаю, доставила очень немного труда, но съ другой стороны, боюсь, она и не дала плодовъ.

Оригинальнаго, новаго г. Шумъ не сказалъ ничего. Чрезвычайно важно для г. Шума было выяснить личность Толстого и дать его характеристику. Но выполнение этой задачи для него непосильно. Онъ посвящаетъ цѣлую главу характеристикѣ Толстого и въ дѣлѣ этой характеристики идетъ на буксирѣ у жизнеописателей и критиковъ Толстого, подъ ихъ руководствомъ и по ихъ примѣру ищетъ портретовъ Толстого въ персонажахъ его произведеній. Этимъ приемомъ можно пользоваться лишь отчасти, а скорѣе всего онъ можетъ сбить съ толку. Чтобы понять Толстого, нужно знать прежде всего его жизнь, его дѣла, а потомъ уже его произведенія. Затѣмъ г. Шумъ совершенно отрываетъ Толстого отъ исторической обстановки, но въ такой обстановки не можетъ быть понять человѣкъ. Какимъ бы „парадоксомъ“ ни былъ Толстой, онъ, какъ и всякій человѣкъ, находился въ своей жизни подъ разными вліяніями: вліяли на него и люди и реформы и книги и событія; сама толпа, подымавшая его на неизмѣримо высокой пьедесталь и можетъ быть въ значительной мѣрѣ лишившая его возможности думать, вліяла на него. Но г. Шумъ не учелъ этихъ факторовъ.

Съ точки зрѣнія нашего автора міровоззрѣніе Толстого всегда было пантеистическимъ (XV стр.). Въ такомъ случаѣ какъ-будто не было ни нужды ни возможности давать генезисъ его идеи Бога. Но что г. Шумъ разумѣетъ подъ терминомъ „пантеистическій“? Если человѣкъ ощущаетъ божественное во всей природѣ, настраивается религіозно въ лѣсу или полѣ, отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ — пантеистъ. Ощущеніе присутствія Божества въ мірѣ не исключаетъ вѣры въ премірность Божества. Г. Шумъ мало касается философской и богословской стороны дѣла. Онъ предпочитаетъ оперировать на беллетристической почвѣ.

Но нельзя однако не признать, что сочиненіе г. Шума имѣетъ и свои достоинства. Его направленіе религіозно и православно. Руководителей своихъ въ вопросѣ о Толстомъ онъ выбираетъ довольно умѣло. Читается сочиненіе легко.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

Справка: 1) Андрей Шумъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1911 году съ званіемъ дѣйствитель-

наго студента Академіи и правомъ на получение степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса г. Шумъ имѣеть баллъ—4,²⁸⁶.—3) По § 109 лит. б п. 8 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣствительнаго студента *Шума Андрея* удостоить степени кандидата богословія, съ причисленіемъ ко *второму* разряду,—о чемъ и представить на Архiepастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

XVIII. Прошенія:

а) Студента IV курса *Иванова Петра*:

„Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ держать весною сего года экзамень по англійскому языку“.

б) Студента I курса *Авдіева Александра*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ держать экзамень по нѣмецкому языку послѣ лѣтнихъ каникулъ“.

Справка: По нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ академій *новые языки* преподаются въ Академіи лишь *для желающихъ* (§ 130).

Опредѣлили: Разрѣшить студенту IV курса *Петру Иванову* сдать испытаніе по англійскому языку вмѣстѣ съ изучающими оный студентами I курса Академіи, а студенту I курса *Александру Авдіеву* отложить экзамень по нѣмецкому языку на послѣканикулярное время.

XIX. Представленный секретаремъ Совѣта проектъ *росписанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній студентовъ Академіи* въ текущемъ 1912—1913 учебномъ году.

Опредѣлили: Одобривъ представленный проектъ росписанія испытаній, просить Преосвященнаго Ректора Академіи пред-

ставить оный, согласно § 158 устава духовных академій, на Архипастырское утверждение Его Высокопреосвященства.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „8 мая 1913. Исполнить“.

13 мая 1913 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣвъ, экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьянъ, ординарные профессора—С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Сегодня въ первый разъ за время своего почти столѣтняго существованія Императорская Московская Духовная Академія имѣла счастье принять и соединиться въ молитвенномъ общеніи съ Верховнымъ Пастыремъ Церкви—Блаженнѣйшимъ и Святѣйшимъ Патріархомъ „великаго града Божія“ Антиохіи и всего Востока Григоріемъ IV.—Въ память этого знаменательнаго событія и во уваженіе высокой религіозно-просвѣтительной дѣятельности и выдающихся Архипастырскихъ трудовъ Его Блаженства на пользу Св. Церкви, предлагаю Совѣту Академіи избрать Блаженнѣйшаго и Святѣйшаго Патріарха Григорія въ званіе Почетнаго Члена Академіи.—Соизволеніе Его Блаженства на принятіе сего званія мною получено“.

Справка: По § 109 лит. В. п. 1 устава духовныхъ академій „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“ значителъ

въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утверждение Святейшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святейшимъ Синодомъ объ утверженіи Блаженнѣйшаго и Святейшаго *Патріарха Антиохійскаго Григорія IV* въ званіи Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „27 мая 1913. Исполнить“.

31 мая 1913 года.

№ 6.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій, экстраординарные профессора—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: п. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынь, ординарные профессора—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: 1. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „10 мая 1913. Въ Совѣтъ Моск. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святейшаго Синода отъ 3 мая за № 7076:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушалъ: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 19 Апрѣля сего года № 170. въ коемъ изложено, 1) что за болѣзнію и послѣдовавшею за сѣмъ кончиною заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Московской духовной академіи Алексѣя *Вас-*

бенскаго и въ виду настоятельной необходимости закончить въ текущемъ учебномъ году начатое въ первомъ полугодіи покойнымъ профессоромъ преподаваніе студентамъ I курса систематической философіи и логики, Преосвященнымъ ректоромъ академіи разрѣшено было ординарному профессору по кафедрѣ основнаго богословія Сергѣю *Глаголеву*, избранному Совѣтомъ академіи въ собраніи 22 Января 1913 года временнымъ преподавателемъ по упомянутой кафедрѣ, приступить къ чтенію лекцій по этому предмету немедленно, и 2) что Совѣтъ названной академіи ходатайствуетъ о разрѣшеніи оставить за ординарнымъ профессоромъ Глаголевымъ преподаваніе названнаго предмета до конца текущаго 1912—1913 учебнаго года, съ выдачею ему, Глаголеву, дополнительнаго вознагражденія изъ оклада 864 руб. въ годъ, со дня фактическаго его вступленія въ исполненіе обязанностей временнаго преподавателя, т. е. съ 22 Января 1913 года. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и настоящему представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту названной академіи оставить за ординарнымъ профессоромъ Глаголевымъ преподаваніе систематической философіи и логики студентамъ I курса до конца текущаго 1912—1913 учебнаго года, съ выдачею ему, Глаголеву, дополнительнаго вознагражденія, изъ оклада 864 руб. въ годъ, со дня фактическаго вступленія его въ исполненіе обязанностей временнаго преподавателя, т. е. съ 22 Января 1913 года, изъ остатковъ по содержанію лицъ управленія и учащихся въ академіи за 1913 г.: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ”.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію, сообщивъ содержаніе его ординарному профессору С. С. Глаголеву и Правленію Академіи—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

II. Слѣдующій Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „15 мая 1913. Въ Совѣтъ Московской Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 мая за № 7361:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Февраля сего года за № 81. по ходатайствамъ Совѣта Императорской Московской духовной академіи: а) о разрѣшеніи торжественнаго празднованія имѣющаго исполниться 1 Октября 1914 года *столѣтняго юбилея со дня основанія Московской духовной академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры*, и б) *объ отпускѣ 5.000 руб. на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ предположенными Совѣтомъ названной академіи изданіями къ 100-лѣтнему юбилею академіи*. Приказали: Согласно настоящимъ ходатайствамъ Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить торжественное празднованіе имѣющаго исполниться 1 Октября 1914 года столѣтняго юбилея со дня основанія Московской духовной академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, предписать Совѣту академіи, въ свое время, представить Святѣйшему Синоду установленнымъ порядкомъ программу сего празднованія, и 2) отпустить въ распоряженіе Совѣта названной академіи единовременно 5000 руб. на расходы по изготовленію предположенныхъ Совѣтомъ академіи юбилейныхъ изданій, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ экстраординарнаго кредита по духовно-учебному капиталу: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Справка: Въ собраніи 22 января текущаго 1913 года, при обсужденіи вопроса о празднованіи 100-лѣтняго юбилея Академіи. Совѣтомъ Академіи, между прочимъ, постановлено было: „...2) Ознаменовать предстоящее торжество изданіемъ: а) юбилейнаго сборника научныхъ статей, принадлежащихъ перу г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи и бывшихъ членовъ академической корпораціи, поручивъ редакцірованіе и наблюденіе за изданіемъ этого сборника Почетному Члену Академіи—сверхштатному заслуженному ординарному профессору *М. Д. Муретову*, изъявившему на то свое согласіе; б) полного списка учено-литературныхъ трудовъ всѣхъ профессоровъ и дѣятелей Академіи за истекшее столѣтіе съ краткими біографіями и, по возможности, съ портретами этихъ лицъ и характеристиками выдающихся изъ нихъ, образовавъ для этого изданія особую редакціон-

ную комиссію въ составѣ: О. Инспектора Академіи *архимандрита Анатоля*, ординарнаго профессора *С. С. Глаголева* и бібліотекаря Академіи *К. М. Попова*, и в) списка *всѣхъ* воспитанниковъ Академіи, окончившихъ за истекшее столѣтіе полный академическій курсъ“.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.—2) Составленіе къ предстоящему торжественному празднованію 100-лѣтняго юбилея Академіи *исторической записки* поручить сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*, изъяснившему на то свое согласіе.—3) Въ составъ комиссіи по изданію *полнаго списка учено-литературныхъ трудовъ всѣхъ профессоровъ и дѣятелей Академіи за истекшее столѣтіе* включить доцента Академіи по 1-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *іеродіакона Иларіона (Троицкаго)*.

III. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 22 апрѣля, № 4: „8 мая 1913. Исполнить.“

б) 13 мая, № 5: „27 мая 1913. Исполнить“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IV. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 24 мая за № 2103:

„Канцелярія одной Императорской духовной Академіи обратилась въ Управление по дѣламъ о воинской повинности съ вопросомъ о томъ, могутъ ли *стипендіаты академіи*, оставляемые при Академіи для усовершенствованія въ наукахъ и, въ частности, для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ академіи, въ случаѣ, если не будутъ къ опредѣленному сроку назначены на должность доцента или профессора, поступить на должности по учебной части въ другія учебныя заведенія (напр. семинаріи, духовныя училища и т. п.) и будутъ ли они подлежать въ такихъ случаяхъ отбыванію воинской повинности.

По поводу сего Управление по дѣламъ о воинской повинности увѣдомило Учебный Комитетъ, что оно находитъ, что.

на основаніи ст. 61 Уст. воин. пов., по прод. 1912 г., лица, оставленные при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по окончаніи курса оныхъ, для подготовки къ занятію ученыхъ или учебныхъ должностей въ ученыхъ учрежденіяхъ или въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользуются отсрочкою по отбыванію воинской повинности до 30-лѣтняго возраста, если до достиженія этого возраста не будутъ назначены на должности, совершенно освобождающіяся отъ воинской повинности. Въ виду сего надлежитъ признать, что лица, признанныя не удовлетворяющими условіямъ для замѣщенія въ духовной академіи должности профессора или доцента и поступившія до 30 лѣтъ на должности преподавателей среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеній, подлежатъ отбыванію воинской повинности на общемъ основаніи, но къ нимъ въ такихъ случаяхъ должны быть примѣняемы ст. ст. 80 и 81 Уст. воин. пов., по прод. 1912 года.—О семъ Учебный Комитетъ считаетъ должномъ довести до свѣдѣнія Совѣта Московской духовной Академіи, для надлежащаго руководства“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

V. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что и. д. доцента Академіи по кафедрѣ [литургики священникомъ *И. В. Гумилевскимъ* ему представлены 65 экземпляровъ напечатанной магистерской диссертациі подъ заглавіемъ: „Ученіе Св. Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ“, Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Опредѣлили: 1) Допустить и. д. доцента Академіи священника *И. В. Гумилевскаго* къ защитѣ его магистерской диссертациі на коллоквиумѣ.—2) Официальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участію въ ономъ стороннихъ лицъ.

VI. Отзвы о сочиненіи и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи по кафедрѣ исторіи русской

литературы, кандидата богословія, *Н. М. Туницкаго* подъ заглавіемъ: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность“. Сергіевъ Посадъ, 1913 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора Академіи *С. И. Смирнова*:

„Изъ предисловія къ книгѣ мы узнаемъ, что она является лишь началомъ большого труда автора о св. Климентѣ Словенскомъ, какъ бы предисловіемъ къ труду, посвященному литературной и переводческой дѣятельности св. Климента, остающейся почти совсѣмъ неизученной ни со стороны историко-литературной, ни со стороны языка, между тѣмъ чрезвычайно обширной. Ученикъ славянскихъ апостоловъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ, а можетъ быть и первый славянскій писатель въ собственномъ смыслѣ этого слова, Климентъ составилъ на всѣ праздники поученія, житія, наполнилъ церковь пѣснопѣніями, перевелъ цвѣтную тріодъ, научилъ священниковъ жить согласно съ каноническими правилами, реформировалъ славянскій алфавитъ. Его труды имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи церковно-славянскаго языка, а также въ исторіи славянскихъ и русской литературъ. И Николай Леонидовичъ Туницкій издаетъ въ настоящее время въ Читеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ собраніе всѣхъ учительныхъ произведеній св. Климента. Но такъ какъ изслѣдованіе литературнаго творчества всякаго писателя, разумѣется, невозможно безъ яснаго представленія объ его жизни и личности, то нашему автору пришлось написать біографію святителя. Задача оказалась очень трудной и сложной по состоянію источниковъ и по тому историческому положенію, которое занимаетъ св. Климентъ. Главнѣйшій источникъ его біографіи—пространное житіе на греческомъ языкѣ, дошедшее съ именемъ Теофилакта, архіепископа Болгарскаго,—чрезвычайно спорный памятникъ: одними отрицаемый совершенно, другими принимаемый въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ. Требовалось тщательное его изслѣдованіе. Исторія поставила Климента на рубежъ двухъ эпохъ въ развитіи славянства, на перепутьи двухъ міровъ—восточнаго и западнаго, въ самомъ центрѣ возгорѣвшейся между ними

борьбы. Въ процессѣ этихъ скрещивающихся историческихъ теченій Климентъ сдѣлался въ концѣ IX—началѣ X вѣковъ центральной фигурой въ церковной и культурной жизни славянъ моравскихъ и болгарскихъ. Отсюда видно, какъ сложна біографія св. Климента: она заставляла Николая Леонидовича основательно изучить громадный кирилло-меоидевскій вопросъ во всей его полнотѣ и современную Клименту эпоху болгарской исторіи со всѣхъ сторонъ: государственной, этнографической, культурной и церковной. Книга разрослась и оказалась настолько законченной по содержанию, отличной отъ своего продолженія по методу и самостоятельной по изложенію, что авторъ счелъ нужнымъ выпустить ее отдѣльно.

Таково происхожденіе книги и ея задачи. Ими опредѣляется ея содержаніе.

Въ главѣ первой содержится обзоръ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго. Здѣсь обслѣдуются: 1) пространное житіе св. Климента — Болгарская легенда, 2) краткое житіе — Охридская легенда, 3) службы св. Клименту, 4) отрывочныя свѣдѣнія и упоминанія о св. Климентѣ въ другихъ источникахъ. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на пространномъ житіи, главнымъ источникѣ: онъ перечисляетъ всѣ многочисленные его изданія, начиная съ мосхопольскаго 1742 г. отличая особенности каждаго, но изданіями не удовлетворяется и обращается къ рукописямъ. Ему извѣстны двѣ такихъ рукописи: № 818 собранія Григоровича (Румянц. Музея) и затѣмъ одна изъ рукописей Охридской митрополіи, которой авторъ не могъ достать. Рукописью Григоровича онъ широко воспользовался и нашелъ въ ней важные варианты къ изданному тексту: въ главѣ XXII въ перечнѣ трудовъ св. Климента извѣстіе о томъ, что онъ наполнилъ церковъ пѣснопѣніями; въ собственныхъ именахъ *Βελίτζας* вмѣсто *Γλαβενίτζας*. Имя епархіи, которой управлялъ св. Климентъ, *Λρεβενίτζας* вмѣсто *Λρεμβίτζας* изданія.

Затѣмъ авторъ обращается къ новогреческимъ передѣлкамъ пространнаго житія св. Климента, авторъ которыхъ іеромонахъ Аѳанасій Паросскій конца XVIII в.: *Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος...* и *Ὁῶρανοῦ χοίσις...*

Передѣлки эти представляютъ собою отчасти попытку кри-

тического построения биографии Климента, въ связи съ уясненіемъ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, на основаніи пространнаго житія. Но *Ὁράσιου κρίσις* даетъ сравнительно съ *Ἀκολουθία* болѣе цѣнныя свѣдѣнія и источникомъ ихъ послужило Хиландарское сказаніе—*Χιλανταρινὴ Λιτήσις*—о Кириллѣ и Меѳодіи на греческомъ языкѣ—памятникъ неизвѣстный пока въ цѣломъ видѣ. Такъ какъ при составленіи Аκολουθίи Аѳанасій еще не зналъ Хиландарскаго сказанія, которымъ пользуется въ *Ὁράσιου κρίσις*, то нашъ авторъ старается выбрать отрывки или элементы Хиландарскаго сказанія, затѣмъ помѣщаетъ ихъ въ приложеніяхъ къ книгѣ (263—270). Оказывается, сказаніе это оставило свой слѣдъ на продолжныхъ житіяхъ Кирилла и Меѳодія, извѣстныхъ отъ XV вѣка; имъ пользовался Димитрій Ростовскій. Хиландарское сказаніе цѣнно тѣмъ, что въ него вошли вмѣстѣ съ легендарными измышленіями и достовѣрныя свѣдѣнія о славянскихъ первоучителяхъ. Происхожденіе этого сказанія Николай Леонидовичъ считаетъ возможнымъ отнести къ глубокой древности: оно обращалось въ славянскомъ мірѣ уже въ XII—XIII вв. Сличая рядъ показаній греческаго Хиландарскаго сказанія съ славянскими паннонскими житіями, авторъ приходитъ къ тому выводу, что между этими источниками нѣтъ противорѣчій и нѣтъ основаній заподозривать достовѣрность сообщеній Хиландарскаго сказанія (хотя онъ не упускаетъ изъ вида и различія между ними въ показаніяхъ). Сличеніе приводитъ автора въ концѣ концовъ къ такому вопросу: не скрывается ли за новогреческими отрывками Хиландарской повѣсти та древняя греческая основа паннонскихъ житій, которую предполагали за ними Мицлошичъ и Вороновъ,—и на этотъ вопросъ нашъ авторъ склоненъ отвѣчать въ утвердительномъ смыслѣ.—Въ текстѣ житія Климента, которымъ пользовался Аѳанасій Паросскій, есть важные варианты, напр., отсутствіе *ἡμῖν* при *τοῖς Βουλγάροις*, служившаго для нѣкоторыхъ изслѣдователей препятствіемъ въ признаніи грекомъ автора пространнаго житія Климента.

Спорный вопросъ объ авторѣ пространнаго житія Климента Николай Леонидовичъ рѣшаетъ такъ: его составителемъ въ полномъ смыслѣ слова, а не редакторомъ первоисточника, въ которомъ изображалась жизнь и дѣятельность

Климента, былъ Теофилактъ, архіепископъ Болгарскій. Въ подтвержденіе этого сличается изучаемый имъ источникъ съ другими твореніями Теофилакта. Этимъ опредѣляется и время составленія памятника: конецъ XI—начало XII вѣка. Изученіе текста житія помогаетъ автору удовлетворительно выяснить затрудненія, которыя стоятъ на пути къ признанію авторомъ его Теофилакта Болгарскаго. Разбирая подробное житіе Климента со стороны содержанія и источниковъ, нашъ авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ о цѣнности заключающагося въ немъ историческаго матеріала. Житіе составлено на основаніи паннонскихъ житій, какового то сказанія объ обращеніи Бориса въ христіанство и древняго славянскаго житія Климента, написаннаго его ученикомъ,—источниковъ, въ историческомъ отношеніи весьма надежныхъ. Но обработка, которой подверглись они подъ перомъ Теофилакта, оказывается въ высшей степени искусственной, тенденціозной и самовольной.

Краткое житіе св. Климента, составленное на основаніи пространнаго, но содержащее и добавленія, какъ напр. объ изобрѣтеніи св. Климентомъ азбуки славянской, отличной отъ той, которую изобрѣлъ Кириллъ, Николай Леонидовичъ приписываетъ съ вѣроятностію Димитрію Хоматиану, архіепископу Охридскому XII—XIII в.

Говорить далѣе нашъ авторъ относительно службъ св. Клименту, невысокихъ въ отношеніи своей исторической цѣнности, и заканчиваетъ первый отдѣлъ работы перечисленіемъ отрывочныхъ свѣдѣній и упоминаній о Климентѣ въ другихъ источникахъ.

Вторая глава, представляющая очеркъ жизни и дѣятельности св. Климента, распадается на три части: въ первой трактуются о жизни и дѣятельности святителя до перехода въ Болгарію (885—6 г.) въ связи съ обстоятельствами моравской катастрофы (происхожденіе и національность, близость съ солунскими братьями, участіе въ моравской миссіи, разгромъ ея и судьба осужденныхъ учениковъ); во второй— о болгарскомъ періодѣ жизни и дѣятельности св. Климента (885—6—916 г.г.) въ связи съ условіями современной и государственной, и церковной жизни Болгаріи (переходъ Климента изъ Моравіи сначала въ восточную Болгарію, потомъ въ юго-западную, Климентъ—учитель Кутмичивицы, Кли-

ментъ—епископъ Величскій, Дремвицкій или Словенскій); въ третьей—объ обстоятельствахъ развитія славянскаго просвѣщенія въ концѣ IX и началѣ X столѣтій и объ участіи въ немъ св. Климента (славянская письменность въ Болгаріи до прихода Климента, введеніе Климентомъ славянскаго богослуженія въ Болгаріи, отношеніе византійской церкви къ дѣятельности Климента, Климентъ, какъ дѣятель славянской письменности и литературы). Въ приложеніяхъ помѣщены отрывки изъ Хиландарскаго сказанія и четыре цинкографическихъ снимка съ рукописи Григоровича, двухъ старшихъ изданій пространнаго житія и изображенія св. Климента.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія Николая Леонидовича Туницкаго. Безъ всякаго сомнѣнія, оно даетъ много новаго и цѣннаго въ выясненіи труднаго кирилло-меѳодіевскаго вопроса. Главнѣйшая заслуга нашего автора—тщательное изслѣдованіе по рукописямъ текста пространнаго житія Климента, которымъ большинство ученыхъ пользовалось въ изданіяхъ, не вполне исправныхъ, затѣмъ—изученіе состава и источниковъ этого памятника въ связи со всѣми другими источниками, относящимися къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ. Надо пожалѣть, что не смотря на всѣ старанія Николаю Леонидовичу не удалось достать списокъ пространнаго житія, принадлежащей Охридской митрополіи, который, можетъ быть, далъ бы новыя различія, цѣнныя для изслѣдователя, но винить въ этомъ нашего автора не приходится. Жаль также, что авторъ не издалъ еще разъ въ приложеніи къ своему труду использованный имъ списокъ изъ собранія Григоровича, потому что перечень варіантовъ, какъ бы онъ тщательно ни былъ составленъ, никогда не можетъ замѣнить полнаго текста. Впрочемъ намъ извѣстно, что новое изданіе этого памятника лишь вопросъ близкаго времени: оно [предпринято Императорской Академіей Наукъ и къ участію въ этомъ дѣлѣ привлеченъ Николай Леонидовичъ. Благодаря работѣ Николая Леонидовича надъ текстомъ своего основнаго источника, послѣдній получаетъ несомнѣнно большую цѣнность, пріобрѣтаетъ болѣе довѣрія. Полное игнорированіе его, какъ это было со стороны Голубинскаго, теперь становится едва ли возможно. Мѣста, смущавшія ранѣе изслѣдователей или

даже ставившія ихъ въ тупикъ, нашли въ работѣ Николая Леонидовича удовлетворительное объясненіе.

Исслѣдованіемъ текста того же памятника по новогреческимъ передѣлкамъ, на которыя одновременно съ Н. Л. Туницкимъ обратилъ вниманіе профессоръ Н. Петровскій, ставится Николаемъ Леонидовичемъ на новую почву чрезвычайно важный для церковной исторіи всего славянства вопросъ о болгарской миссіи Кирилла и Меѳодія.

Жизнь и дѣятельность св. Климента излагается съ такою полнотою и обстоятельностью, какъ не описывалась еще раньше въ специальной литературѣ: книга Н. Л-ча первая научная и безпристрастная монографія, посвященная св. Клименту. Недавно открытое профессоромъ Лавровымъ вмѣстѣ съ болгарскимъ ученымъ Йорданомъ Ивановымъ древнее житіе св. Наума помогаетъ нашему автору съ новыми подробностями описать изгнаніе учениковъ св. братьевъ изъ Моравіи и установить хронологію дѣятельности Климента въ Болгаріи. Дѣля этотъ періодъ жизни святителя на двѣ половины—какъ учителя, затѣмъ какъ епископа, Николай Леонидовичъ подробно останавливается на выясненіи того, гдѣ находилась его кафедра, и приходитъ къ интересному выводу, что *Βελχία* и *Δρακίτζα* были филиппопольскими епископіями, отвергая такимъ образомъ принятое мнѣніе о близости епископской кафедры Климента къ Охридѣ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ чрезвычайно интересна рѣчь автора относительно Константинополя, какъ центра славянской письменности въ концѣ IX—началѣ X вѣковъ. Характеристика литературныхъ дѣятелей Симеоновой эпохи представлена здѣсь въ новомъ освѣщеніи. Специалистъ найдетъ себѣ и еще не мало новыхъ менѣе крупныхъ выводовъ нашего изслѣдователя, которые во всякомъ случаѣ обогащаютъ кирилло-меѳодіевскую литературу.

Въ труднѣйшемъ кирилло-меѳодіевскомъ вопросѣ, гдѣ такъ много спорнаго, начиная съ главнѣйшаго первоисточника—такъ называемыхъ паннонскихъ житій, невозможно ожидать, чтобы какая-нибудь вновь появляющаяся книга представила исчерпывающее изслѣдованіе, не нуждающееся больше ни въ пересмотрѣ, ни въ добавленіяхъ, ни въ исправленіяхъ. Каждое вновь открытое извѣстіе древности заставляетъ опять и опять пересматривать рядъ или всю цѣпь со-

прикасающихся вопросов во всей ихъ многосложности и переоцѣнивать многія цѣнности. И въ трудѣ Николая Леонидовича Туницкаго, мы полагаемъ, найдутся спорныя положенія, которыя не выдержатъ пробы критики и не будутъ приняты большинствомъ изслѣдователей. Но, разумѣется, это не обезцѣнитъ въ общемъ прекрасной книги его, безукоризненной по методу, дающей такъ много свѣжаго, открывающей новые горизонты и возбуждающей мысль къ новымъ разысканіямъ въ области, которая будетъ вѣчно дорога славянскому міру,—въ исторіи славянскихъ первоучителей и ближайшихъ учениковъ ихъ.

Такіе результаты достигнуты упорнымъ и самоотверженнымъ трудомъ нашего талантливаго автора. Письменность, сохранившая о первоучителяхъ словенскихъ и ихъ ученикахъ извѣстія, преданія или легенды, знакома ему во всемъ объемѣ и использована съ большимъ мастерствомъ, такъ что, кажется, онъ не проронилъ ни одного нужнаго ему показанія, не оставилъ неподмѣченнымъ ни одного, чуть замѣтнаго штриха. Огромная литература по кирилло-меоодіевскому вопросу на всѣхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ изучена самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Авторъ не любитъ громоздить цитаты, избѣгаетъ пространныхъ примѣчаній и совершенно не допускаетъ экскурсовъ, случайно связанныхъ съ ходомъ рѣчи. Но читатель ясно видитъ, что здѣсь солидно обосновано каждое положеніе, не сказано необдуманно ни одной фразы, хотя автора нельзя завинить въ противоположной крайности—въ рабскомъ слѣдованіи буквѣ источника и боязни широкихъ построеній и обобщеній. И еще одна похвальная черта присуща книгѣ Н. Л. Туницкаго,—художественность изображенія и изложенія: личность св. Климента очерчена имъ съ удивительной живостью, яркостью и полнотой. Видно, что не одна любознательность ученаго, но и живое сочувствіе великому дѣлу созданія славянскихъ церквей, славянскаго богослуженія, славянскихъ литературъ были движущими началами разбираемаго труда.

Илишне прибавлять, что изслѣдованіе Н. Л. Туницкаго „Св. Климентъ, епископъ Словенскій“ вполне заслуживаетъ своему автору степени магистра богословія“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Книга уже извѣстнаго въ литературѣ, хотя и небольшими, но весьма цѣнными работами,—г. Туницкаго посвящена близкому мнѣ, по моей специальности, типу такихъ научныхъ предметовъ, кои, при существенной важности своей, имѣютъ первоисточный матеріалъ для себя въ очень ограниченномъ объемѣ и тѣмъ открываютъ широкій просторъ для примѣненія всей проницательности и учености первоклассныхъ служителей науки, обычно вызывая на свѣтъ обширную, иногда почти до необъятности, литературу.

Этимъ опредѣляются слѣдующія, наиболѣе существенныя, достоинства вновь появляющихся трудовъ по изслѣдованію такихъ предметовъ.

Первое: многосторонняя *эрудиція* для изученія обширной и разноязычной литературы подобныхъ предметовъ,—тонкій критическій *анализъ* не только для тщательнаго въ этой грудѣ отдѣленія негоднаго ученаго плака отъ научно-цѣннаго матеріала, но и для точнѣйшаго опредѣленія достоинства этого матеріала,—наконецъ проницательно-творческій *синтезъ* для приданія научно-опробованному матеріалу цѣлостнаго и живаго образа. Это—первое и необходимѣйшее условіе для того, чтобы всякій новый трудъ въ подобныхъ областяхъ не былъ плодомъ мертворожденнымъ, ненужнымъ, даже вреднымъ, только обременяющимъ и загромаждающимъ науку печатнымъ хламомъ, годнымъ развѣ только для исторической характеристики личности автора и окружающей его научную дѣятельность атмосферы.

Вторымъ, уже незауряднымъ и необязательнымъ, качествомъ подобныхъ трудовъ должна быть признана *идейная новизна* въ нихъ,—освѣщеніе уже извѣстнаго матеріала еще невѣдомыми горизонтами, открывающими въ старыхъ предметахъ новыя стороны, проясняющими ускользавшія отъ вниманія изслѣдователей частности.

Но наивысшимъ и въ видѣ рѣдкихъ исключеній бывающимъ *третьимъ* достоинствомъ подобныхъ работъ является открытіе или привлеченіе *новаго* научнаго *матеріала*, даетъ ли этотъ матеріалъ совершенно новое общее представленіе о предметѣ, или же измѣняетъ его частныя стороны, даже если только подтверждаетъ и уясняетъ прежнее и уже утвердившееся о немъ представленіе.

Работа г. Туницкаго представляет рѣдкое и счастливое соединеніе всѣхъ указанныхъ достоинствъ, какъ въ первой своей половинѣ, дающей „обзоръ источниковъ для исторіи и дѣятельности св. Климента Словенскаго“ стр. 1—107. 263—270. 281—282,—такъ и во второй, содержащей „очеркъ жизни и дѣятельности св. Климента“ стр. 108—260 и 282—283. (Подробное изложеніе содержанія книги г. Туницкаго считаю ненужнымъ, въ виду приложенныхъ къ книгѣ:—указателя на стр. 271—283,—и весьма подробнаго, почти постраничнаго, содержанія книги на стр. 285—290).

I. Первое качество проявлено: а) въ тщательномъ и всестороннемъ *изученіи* сравнительно небольшого по объему *первоисточника* — пространнаго и краткихъ житій св. Климента, службъ ему, свѣдѣній о немъ въ историческихъ, литературныхъ, археологическихъ памятникахъ и народныхъ сказаніяхъ, — на языкахъ древне-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и южно-славянскихъ,—и обширнѣйшей литературы предмета на языкахъ, кромѣ русскаго, южно-славянскихъ и западно-европейскихъ,—б) въ многочисленныхъ, по всей книгѣ щедро разбросанныхъ, *сравнѣннѣхъ* по исторіи Византіи, Запада, Славянскихъ народовъ,—древней географіи славянскихъ странъ, номенклатурѣ, литературѣ и мн. др., придающихъ труду г. Туницкаго видъ краткой, но полно и всесторонне обработанной энциклопедіи по данному предмету, со всѣми къ нему соприкосновенными предметами,—в) въ тщательной и строго научной *провѣркѣ* всѣхъ, доселѣ появившихся, *трудоѡ* по данному предмету и смежнымъ ему областямъ,—особенно въ уничтожающей *критикѣ* крайнихъ отрицательныхъ сужденій объ исторической цѣнности житія св. Климента,—и именно: Голубинскаго, признающаго житіе сплошною фальсификаціей и беззастѣнчивымъ измышленіемъ,—и Снопєка, гипотезирующаго о смѣшеніи въ житіи двухъ, разновременнѡ жившихъ, Климентовъ—древнѣйшаго, ученика Кирилла и Меѡдія, паписта,—и позднѣйшаго, византиниста, писателя, тождественнаго съ черноризцемъ Храбромъ (стр. 108 дал.),—г) въ безпристрастно и осторожно поставленномъ *анализѣ первоисточниковѡ* для жизни и дѣятельности св. Климента и въ тщательномъ выдѣленіи въ нихъ достовѣрно-историческаго матеріала посредствомъ строгой научной методы,—д) наконецъ въ

стройно, ярко и всесторонне, на основаніи этого строго научнаго матеріала начертанномъ образѣ жизни и дѣятельности св. Климента и въ уясненіи его выдающагося положенія въ исторіи православыанской церкви, какъ перваго славяно-болгарскаго епископа національнаго и перваго самостоятелно-оригинальнаго писателя славянскаго.

II. Проявленіемъ *идейной новизны* въ трудѣ г. Туницкаго служатъ: 1) *по отношенію къ источникамъ* для жизни и дѣятельности св. Климента: а) рѣшительное обоснованіе *принадлежности* греческаго пространнаго житія,—какъ основнаго въ настоящее время первоисточника для жизни св. Климента и въ его извѣстномъ теперь видѣ,—блаженному *Теофилакту*, архіепископу Болгарскому, коему оно усвоается и въ надписаніяхъ житій—пространнаго и краткихъ,—для чего авторъ воспользовался весьма искусно поставленнымъ у него сравненіемъ житія съ несомнѣнно принадлежащими Теофилакту твореніями—спеціально-полемическимъ его сочиненіемъ противъ латинъ и полемическимъ отдѣломъ по вопросу объ исхожденіи Святаго Духа въ его толкованіи на евангеліе Іоанна,—какъ и многими другими соображеніями,— б) *выдѣленіе* въ текстѣ извѣстнаго теперь греческаго пространнаго житія его древнѣйшей *славянскаго* и исторически вполне достовѣрной *первоосновы*, посредствомъ тонкаго и пронизательнаго сравненія текстовъ житій между собою и съ другими, относящимися сюда, источниками,—въ частности: анализъ отношенія Хиландарской Повѣсти къ Паннонскимъ Житіямъ свв. Кирилла и Меѳодія (стр. 33 дал.), зависимость греческаго житія Климента отъ Паннонскихъ Житій (стр. 63 дал.), отношеніе къ славянскому житію св. Наума и другимъ первоисточникамъ, и въ связи съ этимъ определеніе научно-исторической цѣнности разныхъ отдѣловъ житія (до стр. 89),—в) многія частныя и весьма удачныя объясненія трудныхъ мѣстъ въ источникахъ, какъ то: „Каонаѣ, Каонѣ, Катаонѣ“, объясняемое авторомъ на основаніи Хиландарской Повѣсти греческимъ: *κατὰ τὰς* (стр. 31—33),—продажа и разсѣяніе учениковъ Меѳодія — сообщеніями житія Наума (стр. 139. 149) и др.,—2) *по отношенію къ сапой жизни и дѣятельности* св. Климента: а) *широкое освѣщеніе ихъ* въ связи съ общимъ состояніемъ и условіями славянскаго просвѣщенія эпохи св. Климента,—б) и, особенно,

раскрытіе того огромнаго значенія, какое имѣлъ здѣсь св. Климентъ въ качествѣ неутомимаго и безстрашнаго борца въ мощной защитѣ и утвержденіи славянства, какъ съ „трезвничниками“ византійскими, такъ и особенно съ нѣмецко-католическими претензіями Рима, такъ что въ св. Климентѣ „Болгарскій языкъ“ (народъ), а въ его лицѣ и все славянство, дѣйствительно имѣеть своего „перваго епископа“ національнаго, какъ благовѣстника и служителя славянской идеи посредствомъ не только практической дѣятельности, но и „посредствомъ славянской грамоты, славянской литературы и славянскаго богослуженія“ (стр. 111),—сюда же относятся *частности*: выясненіе отношенія Климента къ Охридскому монастырю (201 стр. дал.), удачная поправка въ переводѣ и истолкованіи словъ житія: *παράλοβας αὐτὸν τῆς διοικήσεως* (стр. 176), изысканія относительно названій: Кутмичивица, Дѣволь (стр. 177 дал.), Катокій (стр. 183 - 184 прим.) Дремвица или Велица (стр. 194 стр. 206).

III. Наконецъ автору выпало рѣдкое въ подобныхъ предметахъ счастье, если не открыть, то *впервые привлечь къ изслѣдованію новый матеріаль и дать ему научную оцѣнку*, именно: хотя и бывшіе извѣстными, но по странной случайности доселѣ остававшіеся неиспользованными, греческіе списки житія Климента: три—неполнаго, находящіеся на Аѳонѣ, и одинъ списокъ пространнаго житія въ сборникѣ Григоровича, хранящемся въ Румянцовскомъ Музеѣ. Особенную цѣнность имѣеть послѣдній списокъ, по своему гораздо болѣе исправному тексту сравнительно съ доселѣ бывшимъ въ употребленіи преимущественно въ изданіи Миклошича, перепечатанномъ у Миня. На основаніи этого списка г. Туницкій вноситъ поправки въ теперешній текстъ и даетъ разъясненія представлявшихся въ немъ недоумѣній. Изъ коихъ наиболѣе важны: указаніе на поэтическіе богослужебные труды св. Климента, о коихъ доселѣ не было прямыхъ свидѣтельствъ (стр. 15),—и имя одного изъ вельможъ царя Бориса—Домета вм. Довета (стр. 16).

Наконецъ, уже внѣ взятыхъ категорій, требуютъ упоминанія: проникающая весь трудъ любовь автора къ славянству, сообщающая его книгѣ пріятный тонъ,—краткость и отчетливость изложенія, значительно сокращающія внѣшній объемъ труда,—изящная простота стили, облегчающая чтеніе столь серьезной и спеціальной научной работы.

Въ качествѣ *недостатковъ* работы г. Туницкаго, въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова, могу указать:

А) Странное для меня отсутствіе использованія извѣстнаго автору, но еще никѣмъ не использованнаго, пространнаго греческаго житія, принадлежащаго Охридской митрополіи. Все житіе по своему объему такъ невелико (23 столбца Патрологии Миня), полученіе копіи и даже въ фотографическомъ снимкѣ въ настоящее время такъ легко и дешево, а житіе, въ виду малочисленности его списковъ, такъ важно, что остается только удивляться тому самоотреченію, съ какимъ авторъ, при его несомнѣнной и горячей любви къ предмету своего изслѣдованія, могъ перенести это лишеніе, можно сказать, насущнаго хлѣба своей работы.

Б) Но уже совсѣмъ для меня непонятнымъ представляется въ книгѣ г. Туницкаго отсутствіе научно-критическаго изданія всего, находившагося въ его распоряженіи, первоисточника его работы, въ виду именно ограниченности этого первоисточника, при его огромной важности. Впрочемъ упрекъ этотъ можетъ быть наполовину снятъ съ автора, такъ какъ даже Академія Наукъ доселѣ не позаботилась о такомъ изданіи этихъ матеріаловъ, предоставляя довольствоваться уже давно устарѣлымъ изданіемъ Миклошича и русскимъ переводомъ Менщикова (1855 г.), не всегда исправнымъ ¹⁾.

---

¹⁾ Даже при моемъ кратковременномъ знакомствѣ съ этимъ переводомъ и безъ специально-корректорскихъ цѣлей, мною замѣчены слѣдующія неисправности: гл. I. *οὐ ταύτη μόνον*—„и не поэтому только“, надо: не сегодня только,—*ἀμφιδέξιοι*—„угодные“, надо: искусные. III. *πρὸς τὸν Ῥώμης*—„въ Римъ“, надо: къ Римскому (папѣ),—*ἐμπρέπων* „возсѣдавшій“. надо: блиставшій,—*ἐκεῖ λειτουργήσουσι κτλ*—„чтобы тамъ, внутри скинии истинной совершать служеніе... приобщаться... причащаться“, надо: для служенія тамъ... приобщенія... причащенія,—*τῆς περισσοτέρας*—„вышей“, надо: пренаобильнѣйшей,—VIII. опущено *ἐνούστερον*—охотнѣе,—*ποτὲ δὲ διδάσκοντος τὸν Θεὸν τῷ Ἀβραάμ*... *ὡς ὄσιν, ἀλλ' οὐ νεχροῖς ἐπιλέγεσθαι*—„то учить, что Богъ Авраама... называется Богомъ живыхъ, а не мертвыхъ“. точнѣе надо: что Богъ Аврааму... какъ живымъ, но не мертвымъ,—*καὶ ἡμῶν* (?)—надо: *ὑμῶν* см. над. Миня,—*ἑὸς βασιλέως ὁ τοῦ Πατρὸς Ὑἱός*—сынъ царевъ есть Присносущнаго (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ) Отца Сыня,—*φίλον καλεῖν*—„называетъ“,—надо: обычно называется,—*ὡς εἶχετ ἡ ἐκκλησία, ἐν ἧσιν πρεσβεύουσα φαίνεται*—„Церковь доселѣ признаетъ единого Духа Святаго“, надо: какъ было, церковь является проповѣдующею

В) Въ качествѣ недостатка болѣе частнаго могу указать на то, что въ изслѣдованіи вопроса объ отношеніи составителя пространнаго греческаго житія къ личности Теофилакта Болгарскаго авторъ руководится частію слишкомъ общими критеріями (біографъ былъ грекъ, онъ рѣзко отзывается о болгарахъ и ихъ языкѣ), а частію слишкомъ узкимъ

одного (Духа) Святаго,—*τῷ σωματικῷ κόσμῳ* „вещественному міру“, надо: тѣлесному,—*χορηγείται... ἐπὶ πάντων*—опущено послѣднее: на всѣхъ или на все,—IX. *ἐξέθετο... ὑπέθετο*—„изложивши... какъ сынъ, сохраняя наслѣдіе отца“, надо: изложилъ и... но чего ему недоставало, такъ какъ тогда вѣдь не поднимались вопросы (споры) о Духѣ,—это онъ (второй Константинопольскій соборъ), какъ дочь недостатковъ матери, восполнилъ и исправилъ,—*τοῖς ἀπὸ γῆς φωνοῦσι κατὰ τοὺς ἐγγαστριμύθους*—„которые подымаютъ вопль съ земли, по внушенію чревоушателей“, Миклошичъ у Migne: qui de terra contra(?) divinitus inspiratos (?) loquuntur (совсѣмъ невѣрно),—надо: кои отъ земли вопіютъ подобно чревоушателямъ,—*τούτῳ καὶ τὴν ἐκκλησίαν παραδώσω καὶ τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐπίδωσω κατὰ τὸ εἶκος πρεσβυτέρων*—„тому и Церковь вручу и представляю заведываніе дѣлами церковными по чину пресвитерскому (? что такое?),—надо: тому... и пресвитерство церковное (Церкви), какъ подобаетъ, предоставлю, ср. Миклошичъ: cui adjiciam, ut convenit, ecclesiae presbyterium,—XI. *ἀτεχνῶς*—„понестивъ“, лучше: просто, явно, очевидно,—*δόγματι* „ученію“, надо: догмату,—*ὑπελουίζοντο* „защищали“, надо: доказывали, можетъ быть должно читать: *ἀπελουίζοντο*,—XVII. *τὸν ὄχλον φεύγουσαν*—„избѣгая безпокояствъ(?) надо: толпы, суматохи, смуты,—XX. *ὅτι... δέδεκτο*—„въ которое... даровано было“, надо: потому что такое благо отъ Бога получено было (отъ *δέχομαι*, а не *δίδωμι*).—*μετὰ ταῦτα... σχολήσας... προβάλλεται... καθίσταται... τὸ τῆς ἀξίας ἕψος ὑπόβαθρον*—послѣ того... соблюдавши... высоту достоинства сдѣлалъ“, надо: посоветывавшись (спросивъ, Микл. *consultis*)... этотъ высокій санъ сдѣлалъ ступенью,—XXI. *τὴν ἄγνοιαν διορθούμενος*—„изгоняя“, надо: исправляя невѣжество,—*ὥστε τελέσαι*... такъ что наконецъ (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ) клирики его насты были... въ этомъ родѣ (этихъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ), а между тѣмъ болѣе всѣхъ и пр.“, надо: такъ что клириковъ своей епископіи сдѣлалъ ни въ чемъ не уступающими..., напротивъ, болѣе всѣхъ увѣнчанными всѣми достоинствами,—*θρησκείας*—„служенія“, лучше: богослуженія,—*ἀγνώμονας*—„неблагодарныхъ“, кажется лучше: несвѣдущихъ, неразумныхъ,—XXII. *τὸ κοῦρα*—„въ познаніи“, надо: разумніи,—*πανηγυρικοῦ λόγου*—„поучительныхъ словъ“, надо: проповѣдническихъ,—„поучительныя (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ),—*τὰς τῶν ἀλλοστέρων ψυχὰς*—„души слабѣйшихъ“, надо: простѣйшихъ,—*ἀσάρκων μικρῶν*—„безплотнаго“, надо: почти безплотнаго,—*φέρονται... σωζόμενα*—„говорять, что сохраняются“, надо: извѣстно, что сохраняются (ср. гл. XXIII, гдѣ рѣчь о томъ, что св. Климентъ оставилъ эти творенія въ монастырѣ своемъ, слѣд. трактуются какъ извѣстныя автору житія).—*τὴν πανάμιμον* „пречистыя“, лучше: всенепорочныя,—

масштабом полемики съ латинами объ исхожденіи Святаго Духа. Нѣтъ болѣе широкаго и всесторонняго охвата авторской личности составителя житія и Теофилакта, — предметъ не взятъ со сторонъ — лингвистической, стилистической, идейной, — авторъ не задается вопросомъ о типѣ библейскаго текста, коимъ пользуются біографъ Климента и Теофилактъ, оставлены внѣ изслѣдовательнаго горизонта и другіе нѣкоторые, выработанные современною педагогическою дисциплиною, критеріи, благодаря коимъ рѣшеніе многихъ вопросовъ изъ области предположеній можетъ ставиться на почву полной, иногда принудительной, вѣроятности, даже необходимости. Тоже можно сказать относительно аргументаціи автора въ рѣшеніи вопроса о національности св. Климента. —

XXIII. „старался изгнать изъ сердцеъ (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ) Болгарь нерадѣніе къ дѣламъ благочестія“ — *περὶ τὰ θεῖα* — надо: къ божественнымъ предметамъ, къ богочтению, — XXIV нач. надо: имѣя такую любовь къ Богу и любя Отца Небеснаго, какъ Сынъ, неужели Онъ не имѣлъ какихъ-либо свидѣтельствъ отъ Него Его взаимной любви къ Нему? — *ταύτη τοι* — „такимъ образомъ“, лучше: поэтому, — *ἄχρηστος ἐνδημιότης*: пока будетъ находиться въ мірѣ — вмѣсто: „доколь не престаится изъ міра сего“, — XXV. *δὲ ἐβλάβησαν* — изъ благоговѣнія — вмѣсто: по страху, — *ἐλεῖ... ἐπίκειται καὶ τὸ τῶν πολλῶν*... „какъ старость и множество различныхъ трудовъ совершенно лишаютъ меня...“ надо: какъ старость обременяетъ меня и множество... пропущены слова: если же я не имѣю силъ къ заботамъ о церкви, ради чего другаго я буду обладать этимъ достоинствомъ? — *ἧς ἀπέχειν προσῆκε* — „котораго (епiscopства) поэтому (нѣтъ въ подлинникѣ) долженъ быть чуждъ“, надо: коего долженъ устраняться (воздерживаться), — *μή δι' φελησίας... ἰδεῖν... ἀκατοτέρων* — не допусти... сильнѣйшихъ и способнѣйшихъ“, надо: не дай... видѣть.. сильнѣйшихъ, — *ἐγκρατέλειος* — „отреченіе“ вм.: оставленіе, — надо: зачѣмъ же заставляя дѣтей оплакивать твое безпричинное удаленіе? — XXVI. надо: внутренній его человекъ обновлялся въ такой мѣрѣ, въ какой внѣшній, — вмѣсто: „раздѣлъ его“ надо: то и другое, — XXIX. надо: пришелъ къ блаженному и предуказали... и хотя онъ (вмѣсто: и такъ онъ)... *τῆ θεοσεβείας* — „къ служенію“ надо: исполненію, — *πολύς ἦν τὴν ἐξομολόγησιν* „изливался въ исповѣданіи своемъ предъ Богомъ“, лучше: долго выражалъ свое исповѣданіе, — *ὀχληρὸς ἦδη* — „уже скучнымъ становился“, лучше: сталъ уже надѣлать, — „то наконецъ“ (нѣтъ въ оригиналѣ), — вмѣсто: „сколь много... получили“ лучше: сколь многимъ даровано, — XXIX. *ἐφ' ἧς* — „въ которой“ надо: на которой, — „потомъ“ нѣтъ въ подлинникѣ, — *ἢν στήσας* „пажити, Тобою указанной“ лучше: пастбища, которое Ты установилъ (устроилъ, далъ — Микл.: *quam constituas*), — вм.: „людямъ Твоимъ“ лучше: народу Твоему, — нѣтъ „Св.“ предъ „Духа.“

Есть въ трудѣ г. Туницкаго и еще нѣсколько, мною замѣченыхъ, мелкихъ частныхъ, кажущихся мнѣ недостатками, но для сужденія о магистерствѣ автора никакого значенія не имѣющихъ, коихъ разъясненіе я оставляю до коллоквиума.

Вышеуказанныя достоинства разсматриваемой книги даютъ ей безпрекословное право на увѣнчаніе магистерскою степенью, далеко возвышая трудъ г. Туницкаго надъ среднимъ уровнемъ академическихъ диссертаций.

Болѣе того. На предстоящемъ вскорѣ, именно въ 1916-мъ году, общеславянскомъ праздникѣ тысячелѣтія со дня смерти великаго славянскаго учителя, святаго Климента Словенскаго,—какъ эта работа г. Туницкаго, пока единственная въ славяно-русской литературѣ по своей полнотѣ, основательности и безпристрастности, такъ тѣмъ болѣе уже готовые къ выходу въ свѣтъ другіе его, еще болѣе обширные, труды по изученію и изданію литературныхъ твореній Климента (см. предисловіе къ рецензированной книгѣ), —сдѣлаютъ большую честь не нашей только академіи, но всему русскому славяновѣдѣнію“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій § 172: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успешномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) И. д. доцента *Н. Л. Туницкій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1903 году со степенью кандидата богословія и правомъ приисканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—3) По § 109 лит. а п. 15 устава—„распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученые степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)“ значитъ въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.—4) 65 экземпляровъ напечатанной диссертации п. д. доцента Н. Л. Туницкимъ Преосвященному Ректору Академіи представлены.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и

признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) и. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкимъ* сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ достаточнымъ для сей степени,—допустить г. Туницкаго къ защитѣ сочиненія на коллоквиумѣ.—2) Официальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

VII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по кафедрѣ догматическаго богословія, кандидата богословія, *А. М. Туберовскаго*:

„Имѣю нужду почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Императорской Духовной Академіи—исходатайствовать мнѣ въ установленномъ порядкѣ отсрочку въ подачѣ сочиненія на степень магистра богословія, такъ какъ 16 августа 1913 года исполняется два года съ поступленія моего на службу Академіи. Просить меня объ этомъ побуждаютъ: случившаяся со мною лѣтомъ прошлаго года болѣзнь (плевритъ), отнявшая у меня много времени и силъ, и, кромѣ болѣзни, сложность взятой мною темы для сочиненія“.

Справка: 1) Согласно ходатайству Совѣта Академіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 27 іюня 1911 года за № 8669 преподаватель Калужской духовной семинаріи, кандидатъ богословія, *А. М. Туберовскій* утвержденъ былъ въ должности преподавателя Московской Духовной Академіи по кафедрѣ догматическаго богословія, въ званіи и. д. доцента, съ 16 августа 1911 года.—2) По § 67 устава духовныхъ академій: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія. *Примѣчаніе.* На вакансію доцента можетъ быть опредѣленъ въ качествѣ и. д. доцента кандидатъ богословія, но не болѣе, какъ на два года“.

Опредѣлили: Признавая просьбу и. д. доцента Академіи *А. М. Туберовскаго* заслуживающею уваженія, просить хода-

тайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи г. Туберовскому срока представленія магистерской диссертациі до 16 августа будущаго 1914 года.

VIII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по кафедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Новый академическій Уставъ расширилъ учебную программу преподаванія Церковной археологіи введеніемъ Исторіи христіанскаго искусства, какъ самостоятельнаго предмета. Такая учебная постановка преподаваемой мною дисциплины значительно расширяетъ кругъ моихъ занятій и заставляетъ детально знакомиться съ предметами церковнаго искусства и обихода Запада, рекомендуя вести изученіе Церковнаго искусства вообще сравнительнымъ методомъ. Это послѣднее, конечно, возможно послѣ обстоятельнаго знакомства съ памятниками не только изданными научно, но и еще находящимися въ ризницахъ храмовъ, витринахъ музеевъ и т. д. Кромѣ того, моя дисциплина по преимуществу практическаго характера; для большей продуктивности преподаванія необходимо вести практическія занятія въ собственномъ смыслѣ: знакомить слушателей съ самими памятниками Церковнаго искусства если не въ оригиналахъ, то въ хорошихъ и правильныхъ копіяхъ. Въ настоящемъ учебномъ году (1912—13) я занимался главнымъ образомъ исторіей церковнаго зодчества русскаго, потому что имѣлъ подъ руками діапозитивы покупки пок. проф. А. П. Голубцова, по которымъ я могъ познакомить слушателей съ генезисомъ нашей церковной архитектуры. Перво-христіанскую типичку и символику я иллюстрировалъ нѣсколькими (8) люцернами изъ академическаго музея. Въ ближайшемъ будущемъ я предполагаю читать спеціальныя курсы по исторіи христіанской иконографіи. Для этого необходимо имѣть подъ руками соответствующія копіи, модели и проч., которыхъ у насъ въ Академіи нѣтъ: наша библіотека не имѣетъ даже самыхъ элементарныхъ изданій по Исторіи христ. западнаго искусства. На пріобрѣтеніе всего этого даже и постепенными покупками при моей кафедрѣ нѣтъ средствъ, потому что мой предшественникъ проф. А. П. Голубцовъ всю сумму (за исключеніемъ 4 руб. 50 коп.), ассигнованную на практиче-

скія занятія (110 руб.), израсходоваль на покушку діапозитивовъ.

Послѣ всего вышесказаннаго считаю своимъ долгомъ обратиться въ Совѣтъ Академіи съ покорнѣйшей просьбой ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи меня на наступающій 1913—14 учебный годъ (съ сентября 1913 по сентябрь 1914 гг.) для личнаго ознакомленія съ памятниками церковнаго искусства внутри Россіи и за границей, съ ассигнованіемъ мнѣ на это особой командировочной суммы и суммы на приобрѣтеніе указанныхъ выше необходимыхъ въ учебныя цѣли копій, моделей и пр.

Командированіе меня на цѣлый годъ для научныхъ занятій внутри Россіи и за границу исполнѣ возможно по стѣдующей причинѣ. Въ настоящемъ 1912/13 учебномъ году я имѣлъ часы лекціонныхъ и практическихъ занятій на III и IV кк. Согласно же примѣрному распредѣленію учебныхъ предметовъ по курсамъ въ Уставѣ Духовныхъ Академій, преподаваемая мною дисциплина внесена въ число предметовъ IV курса. Отсюда, въ будущемъ 1913/14 году я могу быть, безъ ущерба въ учебномъ отношеніи, освобожденъ отъ чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій.

Вмѣстѣ съ симъ, имѣю честь заявить Совѣту Академіи о своемъ желаніи дать темы для семестровыхъ сочиненій на III к. во второй половинѣ будущаго года (1913/14) въ качествѣ подготовки слушателей къ спеціальному курсу по моей кафедрѣ“.

Опредѣлимъ: Признавая просьбу и. д. доцента Академіи *Н. Д. Протасова* заслуживающе уваженія и подтверждая, что отъ заграничной командировки его для учебнаго дѣла въ Академіи дѣйствительно не представляется никакихъ неудобствъ, — просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ: а) о командированіи и. д. доцента Протасова на будущій 1913—1914 учебный годъ, съ научною цѣлью, за границу, съ сохраненіемъ за нимъ правъ службы и содержанія по должности доцента Академіи; б) о назначеніи г. Протасову, сверхъ упомянутаго содержанія, пособія на расходы по означенной командировкѣ изъ духовно-учебнаго капитала въ количествѣ *шестисотъ рублей (600 р.)* и в) объ отпускѣ въ распоряженіе г. Прота-

сова особой суммой на приобретение указанных в его прошении учебных пособий для практических занятий студентов Академии, в размѣрѣ *двухсотъ рублей (200 р.)*.

IX. Отчетъ профессорскаго стипендіата Академіи *Василія Муратова* объ его занятияхъ въ теченіи 1912 — 1913 учебнаго года.

Опредѣлили: Отчетъ передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи *С. С. Глаголеву*.

X. Отношенія:

а) Высокопреосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 16 мая за № 1524, съ увѣдомленіемъ о полученіи высланныхъ въ Канцелярію Его Высокопреосвященства, для пользованія епархіальнаго миссіонера протоіерея Симеона Никольскаго, изданій Библии на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ и еврейско-русскаго словаря Штейнберга.

б) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 27 апрѣля за № 1203, съ возвращеніемъ рукописи Волоколамской бібліотеки подъ № 3 („Стихирарь“).

в) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 29 апрѣля и 8 мая за №№ 1219 и 1307, съ препровожденіемъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки: а) подъ № 927 (Сборникъ XVI в.)—на трехмѣсячный срокъ; б) подъ №№ 381 (Уставъ греческій), 380 (Уставъ греческій), 488 (Уставъ греческій) и 163/262 (Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго)—на двухмѣсячный срокъ.

г) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 18 мая за № 425, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, двухъ рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря подъ №№ 101—1178 и 730—987.

Справка: Всѣ означенныя въ п. п. б, в и г рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе о. Настоятеля Волоколамскаго Іосифова монастыря, Московской епархіи, архимандрита Нифонта, отъ 5 мая за № 72:

„Вслѣдствіе отношенія Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи отъ 26 апрѣля 1913 г. за № 174, имѣю честь почтительнѣйше увѣдомить, что рукопись „Сборникъ“, за № 664, можетъ быть выслана только съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства“.

Опредѣлили: Почтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи о. Настоятелю Волоколамскаго Іосифова монастыря выслать въ Академію, на трехмѣсячный срокъ, рукопись монастырской бібліотеки подъ № 664 („Сборникъ“), необходимую студенту Академіи Николаю Лебедеву при составленіи курсоваго сочиненія.

XII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства *И. Г. Айвазова* о выпискѣ ему, для научныхъ занятій, изъ различныхъ Окружныхъ Судовъ слѣдственныхъ производствъ и судебныхъ дѣлъ о русскихъ сектантахъ.

Опредѣлили: Просить Г.г. Предсѣдателей подлежащихъ Окружныхъ Судовъ о высылкѣ въ Академію, на шестимѣсячный срокъ, для научныхъ занятій и. д. доцента *И. Г. Айвазова*, указанныхъ въ его прошеніи дѣлъ о русскихъ сектантахъ.

XIII. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 20 мая за № 2069:

„По встрѣтившейся надобности Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи сообщить Комитету о суммѣ долга духовному вѣдомству за содержаніе а) въ семинаріи и б) въ академіи кандидата названной академіи, выпуска 1910 года. *Николая Попова*.“

Справка: Отношеніемъ отъ 24 сего мая за № 218 Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ сообщено, что кандидатъ Академіи выпуска 1910 года *Николай Поповъ* состоялъ въ Академіи на своемъ содержаніи; за казенное же содержаніе

въ Якутской духовной семинаріи обязанъ уплатить, при выходѣ изъ духовнаго вѣдомства, — *восемьдесятъ пять рублей* (85 р.).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Отношеніе Правленія Саратовской Духовной Семинаріи, отъ 4 мая за № 655:

„Вслѣдствіе отношенія Учебнаго Комитета при Святѣишемъ Синодѣ, отъ 30 апрѣля сего года за № 1850, Правленіе Саратовской Духовной Семинаріи долгъ имѣть препроводить при семъ въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи аттестатъ дѣйствительнаго студента Академіи Димитрія *Яхонтова* за № 429, съ просьбою о полученіи аттестата увѣдомить“.

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Семинаріи о полученіи означеннаго въ отношеніи документа.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить“.

5 іюня 1913 года.

№ 7.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, — Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора — С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій, М. М. Таръевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессора — П. П. Соколовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынь, ординарный профессоръ С. И. Соболевскій и экстраординарный профессоръ И. В. Поповъ.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по кафедрѣ исторіи русской литературы, кандидатъ богословія, *Николай Ту-*

никій защищалъ на коллоквиумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность“. Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Официальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессор Академіи *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессор *С. И. Смирновъ*.

По окончаніи коллоквиума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта — достойнымъ утверженія въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: 1) По § 172 устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ Академіи достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) По § 67 того же устава: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія“.—3) По § 109 *лит. в. пп. 6 и 2* устава, какъ „удостоеніе степени магистра богословія“, такъ и „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ“—значатся въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утверженіе Святейшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святейшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, *Н. Л. Тунницкаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ кафедрѣ исторіи русской литературы.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святейшій Синодъ пятнадцать экземпляровъ диссертации кандидата *Тунницкаго* и копіи съ отзывать о ней экстраординарнаго профессора *С. И. Смир-*

нова и сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить“.

5 іюня 1913 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, — Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ*, ординарные профессора — *С. С. Глаголевъ*, *А. А. Спасскій*, *М. М. Тарѣвъ* и *М. М. Богословскій*; экстраординарные профессора — *П. П. Соколовъ*, *С. И. Смирновъ*, священникъ *Е. А. Воронцовъ*, *Д. И. Введенскій*, *А. П. Орловъ*, священникъ *Д. В. Рождественскій* и священникъ *В. Н. Страховъ*.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ *А. П. Шостынь*, ординарный профессоръ *С. И. Соболевскій* и экстраординарный профессоръ *И. В. Поновъ*.

Слушали: Внесенное *Преосвященнымъ Ректоромъ* Академіи представленіе его, отъ 25 мая сего года за № 221, на имя Его Высокопреосвященства слѣдующаго содержанія:

„На основаніи § 70 устава духовныхъ академіи мною предложено было г.г. преподавателямъ Академіи представить мнѣ къ 20 мая сего 1913 года своихъ кандидатовъ на открывшуюся въ Академіи, за смертію заслуженнаго ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*, вакансію штатнаго преподавателя *систематической философіи и логики*.“

Къ означенному сроку поступило ко мнѣ лишь одно представленіе, подписанное ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ основнаго богословія *С. С. Глаголевымъ* и и. д. доцента по кафедрѣ исторіи философіи священникомъ *П. А. Флоренскимъ*, слѣдующаго содержанія:

„Въ качествѣ желательнаго преподавателя *систематической философіи и логики* долгъ имѣемъ рекомендовать вышнему

Совѣта оканчивающаго курсъ Академіи въ этомъ году студента *Теодора Андреева*.

Кафедра философіи требуетъ отъ преподавателя основательнаго общаго образованія. Изъ всѣхъ представляющихся намъ возможными кандидатовъ на кафедру г. Андреевъ является наиболѣе удовлетворяющимъ этому условію. Питомецъ двухъ высшихъ школъ—института гражданскихъ инженеровъ и Московской Духовной Академіи—онъ, видно, прекрасно усвоилъ не только то, что дали ему эти школы, но и занимался самостоятельно своимъ образованіемъ. Онъ хорошо знакомъ съ западно-европейскими литературами (это можно видѣть изъ его кандидатскаго сочиненія), хорошо знакомъ съ исторіей. Реалистъ по первоначальному образованію, онъ ознакомился съ древними языками—латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ.

Г. Андреевъ владѣетъ свободно французскимъ и нѣмецкимъ языками, переводитъ по англійски. Онъ обладаетъ математическими и физико-химическими познаніями, которыя требуются для преподаванія философскихъ дисциплинъ.

Но, конечно, для преподавателя философіи самое важное—знаніе философіи и любовь къ философіи. О любви г. Андреева къ философіи свидѣтельствуетъ все его пребываніе въ Академіи. Для своихъ семестровыхъ сочиненій онъ всегда, если было возможно, выбиралъ темы философскаго характера. Онъ писалъ на такія темы: 1) Отношеніе Вл. Соловьева къ принципу эволюціи (5+), 2) Что такое религиозное познаніе? (5), 3) Диссертація Канта *De igne* (5+), 4) Этико-религиозный субъективизмъ въ отношеніи къ объективно-историческому познанію (5+), 5) Новѣйшій мифологизмъ (5+), 6) Элевзинскія мистеріи (5). Но главнымъ образомъ о его любви къ философіи, его познаніяхъ и его способности разрабатывать философію свидѣтельствуетъ его кандидатская диссертація—Ю. Θ. Самаринъ, какъ богословъ и философъ. Г. Андреевъ прекрасно изучилъ эпоху Самарина въ философскомъ отношеніи, изучилъ тѣхъ философовъ, ученіями которыхъ питалась и руководилась русская философская мысль этой эпохи, особенно тщательно и широко изучилъ Гегеля. Гегель не принадлежитъ къ числу философовъ, которыхъ легко понять и усвоить. И въ то же время Гегель принадлежитъ къ числу философовъ,

которыхъ необходимо понять и изучить. Гегеля игнорировали около полустолѣтїя, но теперь его систему стали изучать снова, правда, не какъ послѣднее слово философіи, но во всякомъ случаѣ какъ одно изъ грандіозныхъ созданій философской мысли. Да кто можетъ читать Гегеля, тотъ понятно можетъ читать и всякаго другого философа.

Покойный профессоръ философіи А. И. Введенскій уже давно обратилъ вниманіе на г. Андреева. Г. Андреевъ выразилъ желаніе работать подъ его руководствомъ и Алексѣй Ивановичъ предложилъ ему тему для кандидатскаго сочиненія „Аксиологія Абсолютнаго“. Для этой работы г. Андреевъ долженъ былъ изучать и изучалъ философію Шопенгауэра и Гартмана. Но потомъ по предложенію А. И-ча онъ занялся изученіемъ воззрѣній Самарина, о которомъ и далъ теперь капитальный трудъ. Умирая Ал. И-чъ говорилъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть своимъ преемникомъ Андреева. Почившій философъ находилъ въ своемъ ученикѣ всѣ качества требуемыя отъ философа—любовь къ наукѣ вообще и философіи въ особенности, изумительное трудолюбіе, талантливость. И едва ли кто изъ тѣхъ, кто знаетъ г. Андреева, откажетъ ему въ этихъ качествахъ.

Въ философіи важно направленіе. Православная Академія своимъ именемъ указываетъ, какіе люди могутъ собираться подъ ея знаменемъ и какимъ людямъ въ ней нѣтъ мѣста. Московская академія давала до сихъ поръ философію, оправдывающую православную вѣру нашихъ отцовъ. Г. Андреевъ уже тѣмъ, что явился въ нашу академію изъ чуждой, недуховной среды, показать, что онъ тяготеетъ къ этой философіи. Но это не только нашъ дедуктивный выводъ. Г. Андреевъ извѣстенъ многимъ въ академической средѣ. Извѣстны слѣдовательно его глубокая религіозность, его скромность, его возвышенно-идеалистическое направленіе“.

Вполнѣ присоединяясь къ лестной рекомендаціи, данной въ этомъ представленіи оканчивающему нынѣ академическій курсъ студенту Теодору *Андрееву*, и подтверждая, съ своей стороны, что покойный профессоръ А. И. Введенскій, сознавая близость смерти, дѣйствительно намѣчалъ его своимъ преемникомъ по кафедрѣ, долгомъ считаю, на основаніи § 71 устава духовныхъ академій, почтительнѣйше ходатайство-

вать предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи допустить Андреева къ чтенію пробныхъ лекцій по вакантной кафедрѣ систематической философіи и логики“.

На семь представленіи резолюція Его Высокопреосвященства за № 2623: „29 мая 1913 г. Согласень. *М. Макарий*“.

Справка: Устава духовныхъ академій §§ 70—71: „При открывшейся вакансіи штатнаго преподавателя профессора Академіи представляютъ ректору своихъ кандидатовъ съ подробной ихъ рекомендаціей и съ указаніемъ на ихъ ученые труды, если таковыя имѣются. Ректору же подають прошенія и другія лица, желающія занять освободившуюся кафедру.—Ректоръ, по собраніи необходимыхъ свѣдѣній, представляетъ Архіерею списокъ кандидатовъ съ своимъ заключеніемъ о каждомъ изъ нихъ. Архіерею предоставляется исключить изъ этого списка тѣхъ изъ кандидатовъ, которыхъ онъ признаетъ нежелательными на академической службѣ, о прочихъ же онъ предлагаетъ Совѣту для назначенія имъ двухъ пробныхъ лекцій каждому: одной — на тему по собственному избранію, а другой—по назначенію Совѣта. Совѣтъ, по сравнительной оцѣнкѣ прочитанныхъ лекцій, избираетъ наиболѣе, по его мнѣнію, достойнаго кандидата, котораго и представляетъ къ утвержденію установленнымъ порядкомъ“.

Опредѣлили: 1) Тему для второй пробной лекціи оканчивающаго нынѣ академической курсъ *Геодора Андреева* поручить дать ординарному профессору Академіи по кафедрѣ основнаго богословія и временному преподавателю систематической философіи и логики *С. С. Глаголеву*. 2) Назначеніе дня собранія Совѣта для выслушанія пробныхъ лекцій г. Андреева предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по соглашенію съ лекторомъ.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить“.

7 июня 1913 года.

№ 9.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Таръевъ, экстраординарные профессора—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Стреховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынь, ординарные профессора С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій, экстраординарные профессора П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по кафедрѣ литургіи, кандидатъ богословія, священникъ *Илья Гумилевскій* защищаль на коллоквиумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Ученіе Святаго Апостола Павла о душевномъ и духовномъ челоѣкѣ“. Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Официальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Академіи *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ священникъ *Е. А. Воронцовъ*.

По окончаніи коллоквиума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта—достойнымъ утвержденья въ степенни магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: Устава духовныхъ академій §§ 172, 67 и 109, лит. в, пп. 6 и 2.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святейшимъ Синодомъ объ утвержденьи исправляющаго должность доцента Императорской

Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, священника *И. В. Гумилевскаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ кафедрѣ литургики.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ — пятнадцать экземпляровъ диссертации священника Гумилевскаго и копии съ отзывовъ о ней сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить“.

10 іюня 1913 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи *Феодора*, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ *Анатолій*, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ*, ординарные профессора—*С. С. Глаголевъ*, *А. А. Спасскій* и *М. М. Тарѣвъ* экстраординарные профессора—*С. И. Смирновъ*, священникъ *Е. А. Воронцовъ*, *Д. И. Введенскій*, *А. П. Орловъ*, священникъ *Д. В. Рождественскій* и священникъ *В. Н. Страховъ*.

Отсутствовали: *И. д.* ординарнаго, заслуженный профессоръ *А. П. Шостынь*, ординарные профессора *С. И. Соболевскій* и *М. М. Богословскій*, экстраординарные профессора *П. П. Соколовъ* и *И. В. Поповъ*.

Слушали: *І.* Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „6 апр. 1913. Въ Совѣтъ Академіи къ свѣдѣнію и руководству“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 апрѣля с. г. за № 5565:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представление Вашего Преосвященства, отъ 24 Января сего года № 36, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духов-

ной академіи о преподаваніи разьясненій относительно нѣкоторыхъ параграфовъ устава духовныхъ академій. Приказали: Ваше Преосвященство представляетъ Святѣйшему Синоду ходатайство Совѣта Императорской Московской духовной академіи о разьясненіи возникшихъ въ Совѣтѣ недоумѣній по вопросамъ: а) какъ согласовать тѣсно связанные между собою §§ 165 и 171 нынѣ дѣйствующаго академическаго Устава, изъ коихъ по первому „студенты IV-го курса, представившіе удовлетворительное курсовое сочиненіе и за все пребываніе въ академіи не получившіе ни одного неудовлетворительнаго балла, утверждаются въ степени кандидата богословія и причисляются: при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія не менѣе 4^{1/2} къ первому разряду, а при среднемъ выводѣ не менѣе 3^{1/2} ко второму разряду“, а по второму „кандидаты богословія, числящіеся по первому разряду, пользуются правомъ на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній, числящіеся же по второму разряду должны, для удостоенія степени магистра богословія, выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ они получили баллъ ниже 4“,—въ виду того, что теоретически вполне возможенъ случай, когда извѣстный студентъ въ теченіе академическаго курса по всѣмъ предметамъ получить одинъ и тотъ же баллъ 4; какъ имѣющій въ среднемъ выводѣ менѣе 4^{1/2}, на основаніи § 165-го Устава, будетъ причисленъ ко второму разряду и затѣмъ пожелаетъ имѣть степень магистра богословія; по какимъ же предметамъ Совѣтъ Академіи, въ силу требованій § 171-го Устава, долженъ будетъ требовать отъ даннаго воспитанника новыхъ устныхъ испытаній, разъ у него не имѣется ни одного балла ниже 4, и б) въ виду того, что по §§ 160 и 162 нынѣ дѣйствующаго Устава духовныхъ академій, какъ при составленіи порядковыхъ списковъ, такъ и при переводѣ студентовъ изъ курса въ курсъ должны быть принимаемы во вниманіе отмѣтки не только на устныхъ испытаніяхъ, но и на письменныхъ работахъ, не слѣдуетъ ли выраженіе § 165 Устава: „... при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія“... понимать въ смыслѣ „средняго вывода изъ балловъ по устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ за всѣ года обученія“ (на что, повидимому, даетъ право редакція одного изъ послѣдующихъ §§ Устава, именно — второй половины

§ 168-го) и, соотвѣтственно этому, отъ кандидатовъ второго разряда, ищущихъ степени магистра богословія, требовать не только новыхъ устныхъ испытаній по тѣмъ предметамъ, по коимъ они не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, но и новыхъ письменныхъ работъ, взамѣкъ не исполнѣть удовлетворительныхъ. Выслушавъ изложенное, въ связи съ соотвѣтствующими §§ Уст. дух. акад., Святѣйшіи Синоды находятъ, 1) что какой-либо несогласованности между §§ 165 и 171 Уст. дух. акад. не усматривается: по точному смыслу этихъ параграфовъ, кандидаты богословія, имѣющие въ среднемъ выводѣ за всѣ года обученія въ академіи не менѣе 4^{1/2}, причисляются къ первому разряду и имѣютъ право на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, притомъ хотя бы по нѣкоторымъ предметамъ они имѣли балль ниже 4; имѣющие же средній балль менѣе 4^{1/2} причисляются ко второму разряду и, для соисканія степени магистра богословія, должны по тѣмъ предметамъ, по коимъ имѣютъ балль ниже 4, подвергаться новымъ испытаніямъ, послѣ удовлетворительной сдачи коихъ (балль не ниже 4),— но независимо отъ того, получится ли послѣ сихъ испытаній средній балль не ниже 4^{1/2},—они только и допускаются къ соисканію на степень магистра богословія, 2) что выраженіе § 165 Уст. дух. акад.: „при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія“, какъ усматривается изъ точнаго смысла сего параграфа и изъ сопоставленія его съ §§ 160 и 162 академическаго Устава, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ средняго вывода изъ балловъ за всѣ года обученія какъ по устнымъ отвѣтамъ, такъ и по письменнымъ работамъ, 3) что кандидаты богословія, окончившіе курсъ духовныхъ академій по второму разряду, для удостоенія степени магистра богословія, должны подвергаться, по точному смыслу § 171 академическаго устава, новымъ испытаніямъ лишь устнымъ, по тѣмъ предметамъ, по коимъ они получили балль ниже 4, и что 4) § 168 Уст. дух. акад., допускающій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для лицъ, окончившихъ духовную академію, сдачу новыхъ письменныхъ испытаній, относится, какъ это ясно выражено въ самомъ означенномъ параграфѣ, только къ лицамъ, выпущеннымъ изъ академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента, и новыя письменныя испытанія допускаетъ только для тѣхъ изъ нихъ, для коихъ причиной неполуче-

нія кандидатской степени были именно недостаточный средний балль по письменным работамъ. Объ изложенномъ Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: въ разрѣшеніе возникшихъ въ Совѣтъ Императорской Московской духовной академіи недоумѣній послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.—7) Обсужденіе оставшагося неразрѣшеннымъ вопроса о томъ, какимъ же именно испытаніямъ при соисканіи степени магистра долженъ подвергаться кандидатъ богословія *второго* разряда, не имѣющій (при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія менѣе $4\frac{1}{2}$) ни одного балла ниже 4,—отложить до того времени, когда на обсужденіе Совѣта будетъ представлена магистерская диссертация лицомъ, находящимся въ такомъ неопредѣленномъ положеніи.

II. Докладъ комиссіи (въ составѣ: О. Инспектора Академіи архимандрита *Анатолія*, экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова* и доцента *Н. В. Лысогорскаго*), производившей ревизію кассы, приходо-расходныхъ книгъ и отчета редакціи академическаго журнала по изданію „Богословскаго Вѣстника“ и свято-отеческихъ твореній за 1912-й годъ:

„Имѣемъ честь донести Совѣту Академіи, что, во исполненіе возложеннаго на насъ порученія отъ 20-го марта текущаго года, мы произвели ревизію кассы и приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и напели слѣдующее:

1) Всѣ процентныя бумаги редакціи, равно какъ наличныя деньги, которыя должны быть по отчету, находятся въ цѣлости;

2) Отчетъ за 1912 годъ составленъ редакціей согласно съ приходо-расходными книгами.

3) Приходо-расходныя, кассовыя и вспомогательныя книги редакціи найдены нами въ порядкѣ и исправности: всѣ листы, шнуры и печати въ цѣлости.

4) Записи въ нихъ прихода и расхода ведены чисто, безъ помярокъ, а тамъ, гдѣ онѣ имѣются, оговорены надлежащимъ образомъ и скрѣплены подписью г. Секретаря редакціи; страничные итоги и транспорты показаны правильно.

5) На все расходы, произведенные редакцией, имются счета, росписки и другие оправдательные документы.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Отзывъ ординарнаго профессора Академіи С. С. Глаголева:

„По поводу представленнаго мнѣ отчета о занятіяхъ профессорскаго стипендіата В. Н. Муратова честь имѣю сообщить слѣдующее:

Г. Муратовъ посвятилъ свой стипендіатскій годъ занятіямъ философій. Онъ слушалъ лекціи по философій въ Московскомъ Университетѣ и кромѣ того занимался уже ранѣе выбранною имъ темою о проблемѣ цѣнностей. Г. Муратовъ въ своемъ отчетѣ не говоритъ ни о планѣ, ни о руководящей идеѣ своихъ занятій. Онъ довольно догматично устанавливаетъ различіе между академической и университетской философій, полагая это различіе въ томъ, что первая—религіозна и вслѣдствіе этого мистична, вторая—научна и вслѣдствіе этого рациональна. Если приводимое имъ содержаніе университетскихъ курсовъ сопоставить съ соотвѣтствующими курсами духовныхъ академій, то едва ли окажутся основанія для установленія такого различія. Да и терминъ „научная философія“ имѣетъ свой специфическій смыслъ и подъ нее мудро подвести нѣкоторые изъ излагаемыхъ имъ курсовъ.

Вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе то обстоятельство, зачѣмъ г. Муратовъ слушалъ все излагаемые имъ курсы въ отчетѣ? Многие изъ этихъ курсовъ предлагались слушателямъ съ меньшею философскою подготовкою, чѣмъ какою обладаютъ семинаристы, а г. Муратовъ ранѣе уже спеціально занимался философій. Съ другой стороны очень жаль, что г. Муратовъ не упомянулъ въ отчетѣ—слушалъ ли онъ въ Университетѣ что-нибудь кромѣ философій? Изученіе послѣдней обуславливается, вѣдь, изученіемъ прикладныхъ наукъ.

Но главнымъ дѣломъ г. Муратова, какъ видно изъ отчета, было занятіе проблемою цѣнности. Надъ этой проблемой г. Муратовъ поработалъ достаточно, и хотѣлось бы надѣяться, что плодомъ его занятій въ недалекомъ будущемъ явится магистерская диссертація“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.